

Варяг

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Стенка на стенку

«ЭКСМО»

Сухов Е. Е.

Стенка на стенку / Е. Е. Сухов — «Эксмо», — (Варяг)

В бескомпромиссной борьбе за передел государственной собственности схлестнулись интересы воровского сообщества и коррумпированных представителей нынешней российской номенклатуры. На новом витке этой борьбы ставка сделана на крупный куш – подлежащий приватизации Балтийский торговый флот. В смертельную игру оказываются вовлечены крупные государственные чиновники и криминальные авторитеты северной столицы. Знаменитый воровской авторитет Варяг контролирует непростые события в Петербурге. Теперь от исхода этих событий напрямую зависит судьба его бизнеса в России и за рубежом.

© Сухов Е. Е.

© Эксмо

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	48
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

СТЕНКА НА СТЕНКУ

ПРОЛОГ

Погода была дрянь. Утром с Финского залива потянуло холодком, и Санкт-Петербург погрузился в плотный туман, поглотивший золотой крест Исаакиевского собора. Бравая Петропавловская крепость сегодня напоминала тонущий фрегат, и ее игольчатый шпиль над усыпальницей Романовых был похож на мачту без парусов. Того и гляди набежавшая волна накроет ослабевший корабль и батюшка Посейдон с громовым ликованием нацепит на свой трезубец очередную израненную жертву... Город выглядел простуженным стариком и, глядя на фасады отсыревших зданий, казалось, что они способны огласить опустевшие улицы раскатистым чихом. Им бы накинуть непроницаемый макинтош, надеть калоши, а не торчать под проливным дождем, обнажив проржавленные плоские крыши.

Чиф стремительно вышел из подъезда, зябко передернул плечами и быстрым шагом направился к джипу «мицубиси-паджеро», старательно избегая разлившиеся по тротуару дождевые потоки. Сидящий в машине водитель – крепкий белобрысый парень лет двадцати пяти – загодя распахнул переднюю дверцу и с интересом наблюдал, как Чиф вприпрыжку преодолевает водную стихию, легко перебрасывая мощное тело над лужами.

– Зарядил дождина... чтоб его! – Чиф наконец добрался до машины и с удовольствием плюхнулся в мягкое кресло. – Как ни приеду в Питер, так все время гнилая погода! А может, здесь летом солнца и вовсе не бывает?

– Бывает, – улыбнулся водила, – а потом примета есть такая: если важные дела начинать в дождь, это всегда к удаче.

Водитель джипа был коренной питерец, и злословие московского вора по поводу сырой погоды в Санкт-Петербурге у него вызвало только невольную улыбку.

Теперь он даже понимал недовольство Чифа, хотя еще не так давно сырое промозглое лето ему представлялось таким же естественным, как обильная роса в утренний погожий день.

– Это еще как посмотреть, – отрезал Чиф. На этот счет он имел собственное мнение.

– Куда теперь? – искоса поглядел водитель на помрачневшего шефа. Чифа явно пожирала какая-то невеселая думка, однако он не осмелился лезть с расспросами.

Саня Воронов при Чифе совмещал обязанности личного шофера и телохранителя. С обеими функциями он справлялся отменно. Чиф подцепил Саню во время одной «командировки» в Питер два года назад, когда случайно увидел парня в деле. Чиф зашел в стриптиз-бар «Белый лебедь» на Невском, который держал Моня Винт, его старый кореш еще по Владимирской пересылке, и стал невольным свидетелем забавной сценки. Рослый блондин – это и был Саня Воронов – вырубил двух бугаев-вышибал, решивших содрать с посетителя чересчур завышенную мзду, а тот, не будь дурачком, посчитал молодцам зубы своими пудовыми кулачищами. Чиф знаком дал понять выбежавшему из своего кабинета Моне Винту, чтоб молодого скандалиста не выбрасывали из кабака, а сам подсел к блондину, расположившемуся у стойки бара, и завел разговор как бы ни о чем. Слово за слово, он выведал, что Саня Воронов родом из Питера, недавно дембельнулся из морской пехоты, где помимо общей боевой подготовки, получил корочки профессионального водила и насобирав охапку призов за стрелковые достижения. Еще Саня мечтал осесть в Москве, где, по его представлениям, «все главные бабки крутятся». Чиф угостил Саню кружечкой «Туборга», а потом, прежде чем распрощаться, взял да и предложил ему работенку в этой самой Москве...

Сделавшись телохранителем Чифа, Воронов поменял питерскую прописку на московскую, однако всякий раз, когда возвращался в Питер, сердце его радостно замирало – так всегда случается, когда встречаешься с родными местами.

Чиф никогда не рассказывал охраннику-шоферу о целях своих деловых поездок. Вот и теперь Саня мог только гадать, чей приказ заставил Чифа оставить Москву и поспешить в северную столицу.

Он, конечно, кое-что и сам мог скумекать. Перед отъездом его вызвал Барон и, долго промурыжив за странным, путаным разговором, настрого приказал не спускать с Чифа глаз, предупредив, что за его целостность и сохранность он, Саня, отвечает головой. В Питер они, по обыкновению, поехали «Красной стрелой» – эти путешествия в уюте и комфорте двухместного спального купе Саня обожал. Чиф, хоть и был хозяином, с Саней держался как отец родной. Финской водочкой потчевал, антрекотами кормил...

С самого утра, едва поезд причалил к перрону Московского вокзала, они заскочили в джип, который уже дожидался их на стоянке перед вокзалом, и помчались колесить по городу. Чиф только называл адреса, а Саня, не рассуждая, возил его. Остановились, как обычно, в «Прибалтийской», где весь персонал – от швейцара до администратора – встречал Чифа как президента европейской державы.

Эти гонки по городу продолжалось три дня. Саня поглядывал на вывески контор, к которым он подвозил босса, и мотал на ус: «Балтийское морское пароходство»... «Комитет по приватизации Ленинградской области»... «Мэрия Санкт-Петербурга»... Видать, беседы Чиф вел с птицами весьма высокого полета.

Но, судя по лицу Чифа, дела у него пока что не шибко клеились. Он был мрачнее питерского туманного небосклона.

Вот и сегодня, похоже, визит Чифа в дирекцию городского грузового порта вышел полнейшим обломом. Саня бросил на него вопросительный взгляд в зеркало заднего вида: мол, теперь что?

– Все! Едем на Невский! – объявил Чиф. – Здесь мне делать больше нечего.

Негромко зафырчал двигатель, и его утробные звуки напоминали урчание сытого зверя. Саня, включив правый поворотник, отъехал от тротуара и бросил джип на скоростную полосу.

Чиф нервно покуривал, без нужды стряхивая пепел на пол салона. Сане не терпелось поделиться с шефом впечатлениями о вчерашнем удачном вечере, когда он сумел затащить к себе в гостиничный номер двух девиц и вытворил с ними такое, чего нельзя было почерпнуть даже из древних индийских трактатов о любовных утехах. Вспомнив вчерашний день, Саня невольно улыбнулся: да, он был в ударе, после стольких часов секса у всякого нормального человека возникало естественное стремление к недельному воздержанию... Но его уже сейчас распирало от похоти.

Однако угрюмое лицо Чифа не располагало к озорным рассказам, и Саня решил воздержаться от откровений. Можно было нарваться на такой свирепый прищур, какой и в страшном сне не увидеть. Чиф умел так глянуть, что создавалось ощущение, будто внезапно налетела грозная туча и погрузила весь мир во мрак.

Машин было мало – тихоходы не претендовали на левую полосу, и Саня понемногу наращивал скорость. Патрульная машина ГАИ стояла у самого перекрестка, и молоденький сержант с радаром в руке напоминал удалого шерифа, готового образумить любого лихача, хоть бы и на разгоряченном джипе.

Короткий взмах жезлом – Саня поймал глаза сержанта, полные свирепого ожидания, что машина тормознет и послушно прижмется к тротуару.

– Езжай вперед! – едва обернулся на милицкий патруль Чиф.

Саня недоуменно повел плечом, – ладно, мол, хозяин знает, что делает, и уверенно надавил на педаль газа. Позади запоздало рявкнул мегафон, призывая его остановиться, но тщетный призыв растаял в туманной мгле.

Минут десять ехали в полном молчании. Саня аккуратно останавливался на красный свет, пропуская нерасторопных прохожих. Чиф сунул два пальца в пачку сигарет и, обнаружив, что она пуста, злобно смял ее и вышвырнул за окно.

– Останови здесь – сигарет нужно купить. – Чиф показал взглядом на автобусную остановку, где, любовно прижавшись друг к дружке, выстроились несколько киосков.

– Хорошо, – отозвался Саня.

Джип резко вильнул вправо и притерся к бордюру.

– Посиди здесь, я сам...

Чиф распахнул дверцу, уверенно соскочил на тротуар и быстрым шагом направился к ближайшему киоску.

От нечего делать Саня привычно пялился на стройные ножки пробежавших мимо девочек и разжигал свою буйную фантазию. Метрах в пяти от машины прошла длинноногая птаха лет восемнадцати – в легком плащишке, под которым виднелась цветастая юбочка, скорее напоминающая набедренную повязку, – и Саня подумал, что многое бы отдал за то, чтобы оказаться с ней наедине где-нибудь на тропическом пляже. Саня чуть нажал на сигнал, и клаксон призывно вякнул. Девица даже не удостоила нахала-водителя мимолетным взглядом, всем своим неприступным видом дав ему понять, что таких ухажеров у нее выше крыши... Тоже мне, фифа! – с обидой подумал Саня. Как будто привыкла разъезжать исключительно на «роллс-ройсах»! И вздохнул: кто знает, может быть, так оно и есть.

От созерцания прекрасной представительницы прекрасного пола Саню отвлек спокойный вопрос, прозвучавший как констатация факта:

– Александр Федорович Воронов? Что же это вы превышаете?

Саня вздрогнул и повернул голову. Он увидел гаишника-лейтенанта. Как это он, не заглянув в права, узнал его фамилию? Ловок...

– Понимаешь, начальник, ну не заметил я, как превысил. Потом эта тачка меньше чем на пятидесяти километрах просто не бежит. Ты посмотри на нее – это же зверь! Едва нажал на акселератор, так она просто дуреет – летит, ее не остановишь!

Лейтенант смотрел на него почти душевно:

– Что ж, с кем не бывает. Ваши права, пожалуйста.

Саня посмотрел в сторону табачного киоска. Чиф беззаботно приближался.

Он распечатал пачку сигарет, привычно бросив прозрачную обертку под ноги.

Приостановился малость, чтобы достать из кармана куртки зажигалку, прикурил и блаженно втянул в легкие дурманящий дым. Не обращая внимания на подъехавший сзади милицкий экипаж, он уверенно взялся за ручку двери.

– Аркадий Васильевич Ерохин? – Лейтенант мгновенно потерял интерес к водителю и вперился пристальный взгляд в Чифа. Саня заметил, как к Чифу со спины надвигались три сержанта с автоматами.

Лицо Чифа на мгновение напряглось – не каждый день законного вора узнают на улице чужого города, величают по имени и отчеству... От такой предупредительности всегда следует ждать одних только неприятностей. Но он быстро взял себя в руки.

– В чем дело, начальник? – На губах заиграла вежливая улыбка.

– Пройдемте к нам в машину, там все узнаете, – бросил лейтенант. Из-за спины Чифа вышли сержанты, поигрывая автоматами.

Лейтенант же продолжал внимательно изучать права Сани Воронова.

– Так, значит, признаете, что превысили скорость? – На губах гаишника скользнула едва заметная улыбка. Для Сани это был обнадеживающий знак. Может, все обойдется? Сунуть штуку в лапу – и делов-то...

– Ну послушай, начальник, с кем не бывает... Я эту трассу знаю неплохо.

Я же питерский... раньше там никакого запрещающего знака не было.

– Что ж, на первый раз сделаю вам устное предупреждение, – строго проговорил лейтенант и протянул удостоверение.

– Начальник, да чтобы я когда-нибудь больше пятидесяти сделал! Да ни в жисть! – горячо заверил его Саня, быстро упрятав права в карман.

Он оглянулся и увидел, что Чифа уже плотно обступили трое автоматчиков и теснили его к милиционерскому уазу.

– Командир, а в чем дело – почему моего пассажира забрал?! – Саня распахнул дверцу, чтобы спрыгнуть на дорогу.

– Воронок, стоять! – раздался короткий приказ. От прежней любезности лейтенанта не осталось и следа – П...ц твоему шефу... Чифу...

Теперь Саня понял, что патруль остановил их не случайно. Лейтенант знал не только их имена, но даже клички. Наверняка к ГАИ эти ребята не имеют никакого отношения. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: их плотно пасли! Вот суки...

Ствол «Макарова» больно впился в бок, и лейтенант со злорадной улыбкой продолжал сверлить его взглядом.

– В чем дело, лейтенант?

– Если дернешься. Воронок, пристрелю не раздумывая. При попытке оказать сопротивление. Чиф поедет с нами. И благодари Бога, что на тебя приказа не было!

– Не валяй дурочку, начальник, ты объяснить можешь? – Саня похолодел: смерть подкралась к нему вплотную.

– Не рыпайся, голуба! – улыбка на лице лейтенанта превратилась в мерзкую гримасу. Он выдернул ключ из замка зажигания и сунул его себе в карман. – Дуй отсюда!

– Начальник, а как я поеду?

– Не мне тебя учить, – хмыкнул лейтенант. – Ножками, ножками...

За поясом у Сани схоронился новенький «Зиг-Зауэр». Он мог бы выхватить его в одно движение, большим пальцем снять с предохранителя, но зачем? Уже в следующую секунду лейтенант все с той же наглой ухмылкой нажмет на спусковой крючок своего ПМа. Сгоревший порох выплунет из короткого ствола свинцовую осу, и она, обрадовавшись предоставленной свободе, вопьется ему в живот и превратит кишки в кровавое месиво.

Боковым зрением Саня увидел, как на Чифа нацепили наручники и подтолкнули к задней дверце патрульного «уазика». Он попытался сопротивляться, но тут же здоровенный сержант, видно, не очень разбирающийся в воровских мастях, грубо ухватил Чифа за голову, сильно ударил его затылком о крышу «уазика» и втокнул внутрь. Рядом с Чифом на сиденье плюхнулся второй сержант.

Третий – огромный, будто борец сумо, – занял место напротив.

Только после этого лейтенант отступил от Сани на шаг, медленно воткнул пистолет в кобуру и заспешил к своим.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Николай Валерьянович Чижевский, бывший полковник КГБ, в последние годы возглавляющий службу личной охраны Варяга, глухим, с хрипотцой, голосом доложил:

– Владислав Геннадьевич, как я и предполагал, наш-то друг оказался засланным казачком.

Варяг нахмурился. Речь шла об Уколе – тридцатилетнем невысоком хмыре, который примерно месяц назад прибил к одной из московских бригад Варяга, охраняющей трехэтажный особняк «Госснабвооружения» на Рублевском шоссе. Укола сажали на дежурство за мониторы внешнего наблюдения, кроме того, он исполнял мелкие деловые поручения. Варяг и видел его всего раз или два, не больше. Но сразу обратил на него внимание: уж больно новичок оказался проницательным, явно проявляя интерес к делам, которые его ни косвенно, ни прямо не касались. И Варяг поручил Николаю Валерьяновичу на всякий случай прошупать Укола на предмет гнильцы...

И вот, выходит, его подозрение оказалось небеспочвенным.

– И как же ты догадался, Николай Валерьянович?

Чижевский покачал седой, коротко стриженной головой и ухмыльнулся с нескрываемым самодовольством:

– Я не догадался, Владислав Геннадьевич, я это выяснил. Навел справки.

Он дважды судим. Причем в тюрьмах Укол работал в качестве подсадного. Мне-то он сразу не понравился. Не могу объяснить почему... Профессиональное чутье, наверное. У меня еще со старых времен просто нюх на таких тварей! Точно ментовский кадр. И что будем с ним делать?

Владислав бросил на Чижевского вопросительный взгляд.

– А сам как считаешь?

Чижевский пригладил ладонью седой ежик.

– Сначала неплохо бы узнать, кто конкретно его к нам заслал, с какой целью, а дальше уж будем действовать по обстоятельствам.

– Тогда приступай. И немедленно!

– Понял, Владислав Геннадьевич. Как только этот гаврик появится на горизонте, я с ним побеседую...

– И вот еще что. – Варяг окинул взглядом комнату. Их беседа происходила дома у Чижевского – в квартире старой сталинской многоэтажки на Ленинском проспекте. – Укол ведь у тебя здесь бывал? Ты бы проверил все входы-выходы – мало ли что, может, он тут наследил?

Варяг нахмурился, снова вспомнив о главной своей заботе.

– А о Чифе по-прежнему ничего не слышно? Просто как в воду канул...

Чижевский только развел руками.

Чиф был гонцом Барона, посланным в Петербург для выяснения тамошней обстановки накануне приватизации государственного акционерного общества «Балтийский торговый флот». Администрация ГАО с ведома мэрии собиралась выставить на торги контрольный пакет акций безнадежно увязшего в долгах предприятия, но Варяг надеялся повернуть это дело по-своему – хапнуть все сто процентов и стать единоличным хозяином флота, насчитывающего полтора десятка сухогрузов и барж разной степени изношенности.

Мысль приобрести торговый флот пришла к Варягу давно – еще летом, когда начались неприятности в «Госснабвооружении». Теперь он снова вернулся к этой идее. Две недели назад

по каналам компании Варягу удалось заключить выгодную неофициальную сделку – он договорился продать двенадцать ударных вертолетов Ми-24 в Югославию через трех посредников. В оформлении сделки помог его главный контрагент в Венгрии генерал Ласло Магнус. Новенькие вертолеты в разобранном виде должны были на трех «Русланах» доставить из Кемерово в Словакию, там их планировалось перегрузить на железнодорожные платформы и отправить в Венгрию, а уж оттуда в Сербию. Груз оформлялся под видом многопрофильных комбайнов. Но Варяг нервничал. Он опасался, что и эту поставку сорвут точно так же, как сорвали три предыдущие. Опасался потому, что в последнее время у него появилось подозрение, что против «Госснабвооружения» кто-то очень крупно играет.

Все началось с полгода назад, когда засветился канал поставок вооружений в Сирию и повязали всех его людей. А не далее как в прошлом месяце аналогичный случай произошел на прибалтийской границе – на аэродроме Пулково-3 был задержан транспортный самолет с грузом противотанковых мин: российские пограничники, видите ли, не поверили, что «Руслан» перевозит в Швецию стальные трубы. Варяг понимал, что проверка на пулковском таможенном посту, где каждый человечек от мала до велика был щедро подмазан, просто так, по чистой случайности, произойти не могла.

Но только теперь Варяг понял, что это была явная подстава. Заранее подготовленный прокол, направленный против него. Причем неизвестный противник был прекрасно осведомлен о всех его слабых местах.

К тому же в последнее время незримый враг начал активно подбираться к нему самому. Тревожное чувство опасности возникло у Варяга с месяц назад, когда пришло известие об убийстве Гнома. Гном, который контролировал крупные московские рынки и универмаги, был тертый калач, и запросто к нему подкатиться было невозможно. А тут... Его нашли с перерезанным горлом и изрубленной в клочья головой, словно его кромсал пьяный мясник. Но предварительно в Гнома стреляли. На убитом был бронежилет, а под жилетом обнаружили синяки величиной с кулак – значит, палили в Гнома почти в упор... Если он подпустил убийцу так близко к себе, выходит, он с ними был хорошо знаком. После Гнома жертвой неизвестного «чистильщика» стали еще трое московских авторитетов, с которыми Варяг не один пуд соли съел и не одну пайку на зоне разделил. А вот теперь выяснилось, что Укол – подсадной...

Пора принимать меры. Последние события заставили Владислава крепко задуматься о создании мощной круговой обороны.

Правда, соображения личной безопасности, как всегда, отходили у Варяга на второй план: главное – дело. Тем более что на горизонте замаячила возможность влезть в приватизацию питерского «Балторгфлота». Раз прибалтийский воздушный коридор для экспорта оружия накрылся медным тазом, приобретение торгового флота приобрело исключительно важное значение. Тем более сейчас, когда неудачи преследовали его одна за другой. Упустить такой лакомый кусок Варяг никак не мог, просто не имел права!

Одно плохо – он не мог лично заняться этим делом: срочные оружейные контракты требовали, чтобы он оставался в столице неотлучно. Правда, в Питере у него был верный человек, которому он доверял безгранично и который мог бы стать его глазами и ушами. Гепард. Бывший спецназовец, в труднейшую пору его жизни, после побега с зоны, давший ему приют и помощь. Если бы не Гепард, Варягу ни за что не удалось бы выследить и уничтожить ссучившегося питерского пахана Сашку Шрама, спасти жену и сына. Томившихся у Шрама в заложниках...

Они хоть и не виделись с полгода, Варяг не сомневался: Гепард поможет ему и на этот раз. И первое, что Гепарду предстоит сделать, – выяснить, куда запропастился Чиф. Уж не ведет ли этот хмырь двойную игру-Варяг вытащил сотовый телефон и набрал питерский номер Гепарда.

Через три звонка трубку подняли. Подошла Любка – Гепардова телка. Она сообщила, что Егора нет дома – умотал куда-то за Урал, по своим делам. Когда вернется – бог его знает. Может, завтра, а может, и через две недели.

Так, тут облом. Варяг задумался. С подключением Гепарда придется повременить... Ну тогда надо выяснить лично у Барона, что там приключилось с его доверенным человеком. Да и самого Барона неплохо бы допросить с пристрастием. Варяг почему-то не доверял Барону, хотя и знал его не первый год.

Чижевский, по его просьбе, пару лет назад копнул под Барона, узнал всю его подноготную – и про то, как тот начинал на родном Алтае, и как выбился в законники, и за каким хреном в Москву пожаловал пять лет назад. В прошлом у Барона все оказалось вполне чисто – никаких связей ни с ментами, ни с фээсбешниками, но люди в наше время резко меняются в кратчайшие сроки. И с Бароном досадная метаморфоза вполне могла произойти – да хоть три месяца назад.

Во всяком случае, после загадочного исчезновения Чифа ждать нельзя больше – надо заняться Питером вплотную, решил Варяг.

А надежного человека, чтобы послать его в Питер, найдем и без Барона.

Михалыч найдет.

Глава 2

Назар Кудрявцев имел красивое погоняло – Барон. Впрочем, если разобраться, в этом не было ничего удивительного, внешность у него была вполне соответствующая: высокий, статный, с ранней сединой, с величавыми, слегка медлительными жестами. Он производил впечатление завсегдатая самых модных тусовок столицы, человека, который знается с влиятельными людьми и для которого Государственная Дума – всего лишь карточный стол для хитроумного пасьянса. У него было дружелюбное лицо, с которого не сползала мягкая улыбка – казалось, на него работает целый штат умелых имиджмейкеров. Он представлялся реликтом давно ушедшего галантного века, когда в разгар отчаянного спора барон имярек улыбался смертельному врагу, а потом, в тенистом дворике, премило насаживал его на заточенный клинок. Этот московский Барон не ссорился никогда, тем более не повышал голоса, но из его больших черных глаз порой сквозило могильным холодом.

На людей, впервые столкнувшихся с ним, он производил самое благоприятное впечатление: был обходителен и вежлив, и со стороны могло показаться, что для него не существовало большего интереса, чем дела его собеседника.

Люди, знавшие Барона получше, только кривились, глядя на его искусное лицедейство. Он любил поражать изысканными манерами, тихим вкрадчивым голосом.

Барон держался так, будто свою родословную вел от столбовых дворян. На самом же деле Назар Кудрявцев был самого что ни на есть пролетарского происхождения – и дед, и отец его были алтайскими работягами. И если в нем и было что-то от русского аристократа, так это следовало связывать с прошлым его крепостной прабабки, которая в домашнем театре своего барина играла пресытившихся сладкой жизнью богатых куртизанок.

Но на самом деле Барон был холодным, расчетливым дельцом, не без разумной доли цинизма, и, что совершенно точно, мерилom жизненного успеха для него всегда были большие деньги. Людей, не сумевших сколотить себе приличного состояния, он презирал и считал безнадежными неудачниками.

Барон стал вором в законе, не отсидев и дня в тюрьме. Для прошлых лет событие неслыханное, но в нынешнее время оно не вызывало даже недоумения, и законные, по многу лет парившиеся в лагерях, воспринимали его как равного.

Времена изменились безвозвратно.

Пять лет назад, еще находясь в своем родном Бийске, он купил себе воровскую «корону» за миллион баксов, доказав тем самым истину, что деньги в нашем мире играют главную роль. И на воровских региональных сходняках Барон вместе с такими же, как и он сам, составлял крепкий костяк, подчиняя своей воле ортодоксальных законных. Барон всегда поспешал туда, где пахло большими деньгами. Он имел особый нюх, заранее угадывая выгодные операции и хорошую прибыль чуял издали, точно так же как комар чует живую горячую кровь. К собственной персоне Назар Кудрявцев относился уважительно, так что если бы он не стал вором, то непременно сделался бы банкиром. Впрочем, он и мечтал завести собственный банк и вложить накопленные деньги повыгоднее, чтобы они приносили постоянную многократную прибыль...

В воровскую среду Назар Кудрявцев вошел давно, еще в те уж почти что легендарные времена, когда существовали гордые звания ударника коммунистического труда, а красный выпел, словно эстафетная палочка, переходил от лучшего сверлильщика к лучшему заточнику. Он в ту пору работал в Бийске на местном химическом комбинате, где втихаря открыл цех по очистке химпрепаратов и еще один цех – по производству минеральных удобрений. О существовании обоих цехов, понятное дело, знали его местные покровители – те, кто носили на груди синих ангелов с крестами и исправно получали свои отчисления с оборота. Самое

же смешное заключалось в том, что большинство рабочих в его подпольных цехах верили в романтические идеалы светлого будущего и не подозревали о том, что своим ударным трудом преумножают благосостояние алтайского миллионера.

Укрепившись в уголовном мире и поднакопив денег, Назар стал потихоньку скупать голоса законных, которые рады были дожить спокойно до ветхой старости на предоставленный пенсион и охотно отстаивали интересы своего нового благодетеля.

Алтайские воры справедливо считали, что Барон – самый богатый законный в их регионе. На Кипре он имел двухэтажную виллу, куда любил наведываться в самом начале лета, когда на острове еще не столь многолюдно и солнце не такое палящее. Был у него также небольшой домик под Сочи неподалеку от Дагомыса – сюда он любил приезжать весной, когда расцветают магнолии, а Черное море ласково шелестит о прибрежную гальку.

Ну и, разумеется. Барон имел солидный счет в одном из лихтенштейнских банков. Но туда поступали деньги от его личного бизнеса, покуситься на который не мог даже воровской сходняк. На своем химкомбинате в Бийске Барон разливал водку.

Назар Кудрявцев был удачлив. Он понимал деньги и умел их делать, поэтому на региональном сходняке ему было доверено контролировать все крупные финансовые операции. Во-первых, это были дела, связанные с нефтью, газопроводами и АЗС. Во-вторых, нелегальные алмазные прииски в Якутии.

В– третьих, торговля оружием, которое тайно доставлялось из России в страны Латинской Америки, откуда тем же путем на сухогрузах шли наркотики, дававшие огромную прибыль.

В последние месяцы Барон стал присматриваться к рынку морских перевозок пристальнее. Его уже не интересовал временный фрахт отдельных судов, – он замахивался на большее. Главной его целью стала покупка торгового флота в десятков судов. Ни больше, ни меньше! Перспективы для его бизнеса, в случае удачного приобретения, открывались самые радужные. Главное преимущество заключалось в том, что, став владельцем целого флота, он уже больше не будет оглядываться на большого дядю – армию алчных чиновников, от чьей подписи на документе зависит успех любой коммерческой операции. Зная это, аппаратчики нагнали год от года, и если еще десять лет назад Барон мог купить любого из них с потрохами за каких-нибудь пять «штук», то нынче счет шел уже на «лимоны». И отнюдь не рублей... Ставки в игре поднялись соответственно с размером выигрыша.

На кон теперь ставились не какие-то занюханные сахарные заводики в областных центрах, а крупнейшие энергетические компании, алюминиевые комбинаты, угольные разрезы и – грузовые флоты... Вроде того, на который положил свой завидующий глаз Барон.

ГАО «Балторгфлот», на чьем балансе находилось пятнадцать сухогрузов и океанских барж, больше напоминало утлое суденышко в двенадцатибалльный шторм, брошенное навстречу коварным рифам. Барон загодя, через Чифа, навел кое-какие справки. Дела компании были из рук вон плохи. Старые номенклатурные начальники загубили всю коммерцию, набрали кучу контрактов на фрахт своих порядком изношенных судов, но почти все их запероли и выплатили заказчикам многомиллионные неустойки. Восемь судов, находившихся в плавание, были подвергнуты аресту в зарубежных портах за долги. И вот наконец городские начальники сподобились принять стратегическое решение – акции «Балтийского торгового флота», разбив на десять пакетов, выставили на конкурсную продажу. А на контрольный пакет, говоря современным языком, объявили тендер – кто даст больше.

Но выкупить главный пакет акций, даже с его многомиллионным лихтенштейнским счетом. Барону было совершенно не под силу, и поэтому он вынужден был обратиться за помощью к алтайским друзьям. Впервые он обнародовал свою идею на региональном сходняке, красноречиво расписав перспективы международной морской торговли. С минуту в банкетном зале ресторана «Алтай» длилась пауза – как бывает в театре «Ла Скала», после того как ведущий

тенор завершает партию на верхней «ля». Поразмыслить вора́м было над чем – такой лакомый кусок в алтайский общак не попадал никогда. И один за другим воры поддержали Барона. Несмотря на то что овации Назар Кудрявцев не сорвал, он добился главного: получить из общака деньги для совершения сделки. К тому же четкими аргументами он сумел убедить сходняк, что из будущего пирога он лично должен получить значительный кусман, который пойдет не ему в карман, а на расширение морского бизнеса. В этом пункте у Барона был свой корыстный интерес: деньжата должны были пойти не только на ремонт старых и приобретение новых судов, но и на покупку очередной виллы где-нибудь в княжестве Монако.

Но на этом пути его сразу же ожидали непредвиденные препятствия. Вся беда заключалась в том, что он, несмотря на свое влияние, никак не мог отыскать золотой ключик, который распахнул бы ему заветную дверцу к «Балторгфлоту».

Барон поначалу пробовал купить компанию до тендера – подобные дела для него были не в новинку: ему не раз приходилось приобретать приватизируемые заводы.

Но сейчас всех его миллионов – даже с учетом алтайской ссуды – ему явно не хватало: за контрольный пакет питерские господа-товарищи назначили двести «лимонов»! И это была лишь начальная цена. Придя к выводу, что в одиночку ему ни за что не осилить покупку флота. Барон посвятил в это дело крупнейших московских воров – в первую очередь Варяга и Михалыча. И заручившись их поддержкой, в том числе и финансовой, послал в Питер Чифа, с которым еще в Бийске начинал нефтяные дела.

В Москву Чиф обещался вернуться через неделю. Максимум через две.

Последний телефонный разговор с ним был очень странным и даже каким-то настораживающим – похоже, Чиф чего-то недоговаривал, а может быть, даже наоборот, чего-то опасался, хотя это было не в его характере. Барон знал Чифа пять лет: в любые заварушки Чиф привык лезть с поднятым забралом, и вряд ли он оробел на этот раз. Но даже его голос по телефону показался Барону напряженным, как будто Чиф разговаривал с ним под дулом пистолета. Но с момента последнего разговора прошло уже дня три. Чиф сообщил, что был в офисе «Балторгфлота» и что там не все так просто, как могло показаться на первый взгляд. По коридорам компании разгуливала масса темных личностей. По наблюдениям Чифа, у них не могло быть таких денег, какими располагали московские воры, но держались они солидно. И, что самое странное, ему пока не удалось выяснить, кто за ними стоит. Эти молодчики, как к себе домой, входили в кабинет генерального директора компании и держались так, будто у них в долгу даже вахтеры. Чиф говорил о том, что пытался навести о них справки, но то, что он узнал, в высшей степени подозрительно и требовало перепроверки. Чиф обещал прилететь утренним рейсом в среду, однако он не появился ни в среду вечером, ни в четверг. А сегодня, через неделю после его исчезновения, Барон узнал, что Чифа нашли с перерезанным горлом на одной из городских свалок Санкт-Петербурга недалеко от грузового порта.

* * *

Переехав в столицу, Назар выстроил себе дом в Подмоскovie – он никогда не любил уличной суматохи, не по душе ему были и лавины автомобилей, захлестнувшие московские улицы. С недавнего времени он предпочитал покой, может быть, оттого частенько запирался в четырех стенах.

Его подмосковный особняк был точной копией старинного французского шато, который ему как-то приглянулся во время одной деловой поездки по Европе.

Правда, «начинка» в нем была не средневековая, а самая что ни на есть ультрасовременная – с сауной, большим крытым бассейном и многими прибабасами, делавшими его жизнь комфортной и приятной. Единственное, от чего не стал отказываться Барон, так это от глубоко-

кого подвала – сродни тем, в которых маркизы и виконты хранили бочки с родовым вином или запирали своих нерадивых слуг.

За неимением коллекции фамильного вина Назар Кудрявцев держал у себя в подвале узников. Замечательная получилась подземная тюрьма. Случалось, что в нее бросали строптивых должников, а то и воров, приговоренных сходянком к наказанию. Здесь же, в мрачном каземате Барона, находили свой бесславный конец отъявленные мерзавцы, посмевавшиеся приказа хозяина.

В этот раз у него в доме был один гость, жить которому оставалось всего лишь несколько часов.

От внешнего мира Барон оградился высокой кирпичной стеной, пропустив по самому верху два ряда колючей проволоки. Такую преграду могли преодолеть разве что японские ниндзя, каковых в России не водилось, а потому хозяин мог чувствовать себя здесь в полнейшей безопасности.

Высокие стены были удобны еще и тем, что не пропускали через многометровую толщу ни малейшего звука, так что снаружи существование Барона для его соседей казалось таким же загадочным, как жизнь на Марсе.

В камине тихо потрескивали поленья. Барон любил огонь не за тепло, а за уют, который согревал душу. В мерцающем пламени таилась какая-то необъяснимая магическая сила, приковывавшая взгляд. Наверное, не случайно, что на заре человеческой цивилизации огонь играл важнейшую роль. Магией полыхающего костра люди пользовались и в более поздние времена, так, например, когда олимпийцы древности при его свете проводили спортивные соревнования, а в средние века инквизиция приговаривала еретиков к смерти на костре. Но самых больших чудес добились шаманы северных народностей. Для них огонь был таким же инструментом, как для пианиста рояль или как для заклинателя змей – флейта. Пламя возгоралось при яростном нашептывании и могло потухнуть – стоило лишь произнести магическое слово. Однажды Барон был свидетелем подобного чуда, когда по решению сходянка провел целый месяц в глухой сибирской деревушке, пытаясь разработать заброшенный прииск. Огонь в печи внезапно потух, едва в комнату ввалился кряжистый низкорослый якут лет шестидесяти. И на все усилия хозяйки растопить печь он едва улыбался в жиденькую бородачку. А потом, точно сжалившись над хозяйкой, произнес:

– Бойтся меня огонь, однако, потому и не горит! Тогда трудно было понять – правда это или нет, но едва старик вывалился за порог, как истлевшие головешки вспыхнули сами собой.

Вот и не верь после всего этого в мистику... Барон растер руки: ну, кажется согрелся. Теперь можно было продолжить прерванный разговор. Он нажал кнопку переговорника и негромко произнес:

– Приведите его, я хочу с ним потолковать. Через несколько минут двое крепких парней ввели в комнату человека с мешком на голове и со связанными за спиной руками.

– Снимите мешок. Посмотрим, как он выглядит. Пацаны тотчас исполнили приказание, сбросив грязную холщовку на дубовый паркет. Они служили у Барона уже второй год и знакомы были со всеми его привычками – сейчас хозяин был явно не в духе, и они старались действовать поспороvistее. Назар ценил их за два важных качества – немногословие и безукоризненную исполнительность. И, само собой, за надежность: в случае чего их хлебальники прочно запирались на замок.

Перед Бароном стоял Саня Воронов-Воронок.

– Ну, продолжим нашу беседу, дружище. Меня все время не покидает чувство, что ты все ж таки чего-то не договариваешь, – почти ласково начал Барон. Чем больше он злился, тем обворожительнее была его улыбка. Барон словно задался целью поразить своего пленника обаянием.

Лицо у Воронка было разбито в кровь, разорванные губы опухли, щелочки глаз едва просматривались из-за синих мешков кровоподтеков.

– Ты напрасно на меня полкана спустил, Барон, я тебе рассказал все, как было, – с трудом разлепляя губы, простонал Саня.

– И все-таки я хочу снова все это услышать, дружище. Как же это ты лопухнулся на ровном месте? Они что вытолкнули вас из машины?

– Я тебе уже все рассказал... – В глухом голосе Сани звучало глубокое уныние, помноженное на безразличие к собственной незавидной судьбе. – Чиф пошел за сигаретами, а менты перехватили его на обратном пути.

– Любезный, а сам-то ты где в это время находился? Разве тебе платят не за то, чтобы ты был тенью хозяина и шел за ним даже в ад? Или тебя положили мордой на асфальт?

– Я не мог ничего поделать, потому что стоял под стволом!

– Ладно. Ну а куда заходил Чиф, с кем виделся – ты мне можешь сказать?

– Он никогда не рассказывал мне о делах. Но мне показалось, что в тот день он был чем-то озабочен.

– Голубчик, а разве вы не вместе ходили в контору? – продолжал улыбаться Назар Кудрявцев.

– Нет. Я хотел было пойти с ним, но он сказал, что в этом нет нужды...

Мне пришлось остаться в машине.

Барон глянул на рослых парней, стоящих немного позади Сани. Молодцы были выдрессированы на славу и никогда не терзались угрызениями совести: по их лицам было видно, что они готовы сделать со своей очередной жертвой что угодно – живым затолкать в полыхающий камин или разрезать в лапшу.

Барон перевел взгляд на Саню Воронова. Судя по всему, он действительно ни о чем не ведал: его палачи умели работать и наверняка отыскиали бы способ, чтобы выбить из него даже ничтожнейшую информацию.

– Ты, Саня, прекрасно знаешь правила нашей игры. – в этот раз улыбка у Барона вышла не особенно веселой. – По твоей вине погиб вор, мой человек, а таких промахов мы не прощаем никому. Ты посмотри, что с ним сделали, – и Барон бросил на стол пачку фотографий.

Саня протянул дрожащую руку к веером рассыпавшимся на столе снимкам, но все и так было видно. Конечно же это Чиф! Он лежал на каком-то пустыре, среди вороха тряпья и обрывков газет, ржавых консервных банок и разбитых бутылок.

Невозможно было представить, что свой жизненный путь сильный, самоуверенный Чиф завершит не в роскошной спальне, под сердобольными взглядами близких, а на вонючей городской свалке, где единственными его соседями станут оголодавшие крысы. Глаза у Чифа были закрыты, будто он спал, вот только выбрал не самое удачное место для отдыха. Но он спал вечным сном, о чем красноречиво свидетельствовала тонкая длинная рана, вспахавшая ему глотку...

Барон с интересом наблюдал за реакцией Воронка: его рука дернулась, будто от удара хлыста. Такое не отрепетировуешь! Нет, определенно, парень знать не знал, чем завершится вояж Чифа в Питер. Жаль его будет терять, но другого выхода нет. Если не он навел ментов на Чифа, то провинился уже тем, что не смог вырвать его из ментовской ловушки.

Языки пламени в камине весело подрагивали, они были такими же ярко-красными, как пролитая кровь. Созерцание пламени натолкнуло Барона на новые невеселые размышления.

– Не понравился пейзаж? – поинтересовался Барон. – Мне, знаешь ли, тоже очень не по душе эта картина.

– Послушай, Барон, – заныл Саня, – как тебе доказать, что я тут ни при чем...

– А доказывать ничего и не надо, дружище, – радостно объявил Барон, – для меня и так все ясно: ты не виноват. Отведите его вниз, – обратился он к молчаливым пацанам. – Пусть отдохнет!

* * *

Привидения в старинных замках – дело самое привычное. Чаще всего они появляются после полуночи и безликими светлыми тенями бродят по лестницам и хозяева замков истари относились уважительно к привидениям еще и потому, что считали своих далеких предков безнадежными грешниками: ведь они были способны заживо замуровать в стену своего вассала только потому, что тому приглянулась его молоденькая красавица-жена.

Назар Кудрявцев привидений не боялся, и поэтому в своем подвале он уже забетонировал четыре трупа. Сашке Воронову предстояло стать пятым.

Глава 3

Барон порылся в гардеробе и решил надеть свой выходной костюм в светло-серую полоску. К нему полагалась белая рубашка и галстук. Здесь Назар испытал некоторую трудность – так было всегда при выборе этой детали туалета.

Мужчины и женщины неизменно обращают внимание именно на галстук, а особенно на то, как он завязан. Назар остановил свой выбор на бежевом галстуке с крошечными гербами какого-то рыцарского клана. Так тщательно он одевался в тех случаях, когда настроение было дрянь.

Неожиданно для самого себя он осознал, что из ровного душевного состояния его выбила именно гибель Чифа. К тому же ему предстояло непростое объяснение с Варягом, что тоже не прибавляло радости. Встреча со смотрящим России должна была состояться у Михалыча.

Назар подошел к огромному, почти под потолок, зеркалу. Его внешний вид был безукоризнен, продуман до малейших деталей. Очень элегантно смотрелся и бежевый платок, выглядывающий из верхнего кармана пиджака. Если бы не знать, что родом Назар происходил из алтайских рабочих, то можно было бы предположить, что он отпрыск древних дворянских фамилий.

Барон посмотрел на часы: стрелки «Ролекса» показывали четырнадцать тридцать. Самое время. Опаздывать на встречу с Варягом не полагалось, впрочем, являться раньше назначенного времени также считалось дурным тоном.

Назар спустился во двор. Витек, водитель, уже дожидался возле «мерседеса», лениво дымя дорогой сигарой. Его вполне можно было бы принять за владельца роскошного автомобиля. Вообще у всех холуев есть одна родовая черта – перед непосвященными они любят выглядеть барами.

На появление Барона слуга отреагировал мгновенно: отшвырнул подальше огрызок сигары и распахнул заднюю дверцу.

– Пожалуйста, Назар Викторович!

– Не напрягайся, – отмахнулся Барон, – я поеду один, – и провалился в мягкое удобное кресло.

Движок уже урчал, оставалось только переключить скорость и плавно надавить на газ. Барон нащупал педаль.

* * *

Михалыч обитал в собственном доме, притаившемся на безлюдном островке в Серебряном бору. Раз в месяц к этому особнячку подъезжал небольшой банковский грузовичок с бронированным кузовом. Дом Михалыча использовался как перевалочная база. Отсюда общаковские денежки уплывали за рубеж и перевоплощались в шикарные отели и бензозаправки, приносящие солидный доход, а также тоненькими ручейками растекались по многочисленным зонам для разогрева братвы и подкупа чиновников.

В охране у Михалыча служили не бессловесные холуи, а доверенные люди московского сходняка. На них возлагалась охрана дома и общаковских денег. В случае надобности они могли проводить гостей не только до дверей, случалось – до могилы. Пацаны были преданы Михалычу, но если бы обнаружилось, что старик надумал покуситься на святую святых – общак, то и его незамедлительно прирез бы: несмотря на христианское вероисповедание, в глубине души эти братки были язычниками, потому что являлись жрецами воровского идола.

Барон почувствовал себя очень неуютно под пристальными взглядами этих служителей культа. Они взирали на него так, как будто он пришел с единственным желанием отщипнуть из

казны небольшой кусочек для личных нужд. И только когда ворота захлопнулись и охранники остались позади, он облегченно перевел дух.

Михалыч оставался для многих загадкой. Он сделался законным еще в сталинские времена, впрочем, казалось, что еще и до рождества Христова потрошил карманы у доверчивых назарян. Поговаривали, что в молодости он был очень дерзким и занозистым вором, бесшабашно грабил почтовые поезда, совершал налеты на сберкассы и при этом никогда не прятал лица под маскарадную маску. И в память об удалом прошлом на подбородке у Михалыча остался широкий кривой шрам.

Правда, находились воры, которые утверждали, что получил он его в то время, когда был правой рукой в шайке у Матвея Лома. Все дело было в том, что Лом жил с воровкой Нинкой Лысухой, которая тайком делила свою любовь с красивым молодым поделщиком Лома. Однажды, заподозрив любовницу в измене, он явился в самый неподходящий момент, когда Михалыч гарцевал на девице победителем и, спасаясь от хозяйского гнева, выпрыгнул со второго этажа и ободрал лицо о торчащий из стены крюк. Как бы там ни было, но смелости и лихости Михалычу было не занимать, и даже в старости его взгляд таил в себе что-то злодейское. Вполне можно было поверить, что такими глазами можно остановить даже взбесившуюся лошадь.

Он был один из тех, кто стоял у истоков воровского закона, кто создавал неписанные правила, которые соблюдались куда более четко, чем статьи уголовного кодекса. Михалыч был не только хранителем общака, что само по себе требует человека незапятнанного, чистого, как стакан с водкой, но еще и создателем капища, где сам он исполнял роль главного жреца и прорицателя.

Несмотря на свой далеко не юношеский возраст, Михалыч участвовал практически во всех региональных сходняках, где частенько председательствовал.

И незаметно так, стараясь особенно не докучать чрезмерно ретивой молодежи, с терпеливостью опытного садовника прививал к их занозистым душам полузабытые воровские традиции. Он знал, что подобная процедура не проходит бесследно: пройдет совсем немного времени – и привитый дичок принесет сладкие плоды.

Михалыч принимал гостей всегда в одной и той же комнате, скромно называя ее своим кабинетом. Хотя этот «кабинет» больше походил на какой-нибудь зал неплохого музея живописи: на стенах висели полотна Айвазовского, Репина, Боровиковского. В доме у Михалыча все было настоящее, и поэтому ни у кого никогда не возникало сомнений в подлинности этих картин. Если здесь что-то и напоминало кабинет, так это широкий крепкий стол красного дерева, за которым, по заверениям хозяина дома, сиживал последний император династии Романовых.

В этот раз Михалыч пренебрег традицией – он проводил Барона в комнату поменьше, где вдоль трех стен стояли стеллажи с книгами, а в самом углу, у окна, возвышалась настоящая греческая амфора. Человеку, впервые попавшему сюда, могло показаться, что эта комната – обитель кабинетного ученого, но никак не старого вора в законе и хранителя московского общака.

Барон, как только вошел в комнатку, тотчас заметил в дальнем углу светловолосого крепкого мужчину, сидящего в кресле за низким столиком. Это был Варяг. Барон не видел смотрящего России уж год с лишком. Он много слышал про головокружительную одиссею Варяга, начавшуюся с его ареста в Америке и доставки в Рос, сию, а закончившуюся загадочным побегом с зоны и возвращением в Москву.

В воровской среде о последних подвигах Варяга ходили глухие разговоры – кто-то удивлялся тому, как легко отделался смотрящий России от ментовской погони и мести, а кто-то подбрасывал мыслишку, что, может, не все оно так с Варягом гладко может, он не так безупречен, а втихаря клюет с двух рук... Барон не верил этим сплетням, но и для сомнений были все основания.

Варяг привстал, протянул пятерню. Барон сдержанно пожал руку и кивнул.

Следом зашел Михалыч. Он тут же расположился в продавленном стареньком кресле слева от Варяга и жестом указал Барону на стул. Тот отметил про себя, что Михалыч не пригласил его занять третье кожаное кресло за столиком и, сочтя это за оскорбление, сжал губы. Ладно, старик, подумал Барон, я тебе все припомню!

Михалыч потянулся к стеллажу за спиной и выудил из-за книг темную бутылочку и три низенькие пузатенькие рюмочки.

– Тут такое дело, – невесело начал Барон после того, как Михалыч разлил коньячок в рюмочки. – Чифа больше нет. Его позавчера нашли с перерезанным горлом на одной из питерских помоек. Рядом с грузовым портом.

– Ты опоздал со своим сообщением на сутки, – строго произнес Варяг. – Сказать по правде, я думал, что ты появишься значительно раньше. Чего же ты выжидал?

Барон не выдержал пронзительного взгляда Варяга и опустил глаза.

– Надо было все проверить...

Варяг недовольно мотнул головой, точно отгонял назойливую муху.

– Значит, у нас пока нет никакой информации. При том, что по твоей просьбе мы выдали Чифу триста тысяч долларов на обработку заинтересованных лиц, – Варяг криво усмехнулся. – А дело не продвинулось ни на шаг. Не кажется ли тебе, Барон, что твоя затея слишком дорого нам обходится?

Барон заерзал на стуле. Рука у него задрожала, и, поспешно осушив рюмочку, он поставил ее на столик.

– Тут просто какая-то чертовщина! Стоило мне только найти людей, согласившихся посодействовать, как они тут же исчезли. Большая часть этих денег ушла на взятки.

– Выходит, эти деньги выброшены на ветер! – недобро ощерился Михалыч. – Ведь нет Чифа – нет и тех, кому он давал...

– Тут совсем другое, – запротестовал Барон. – Их устранили. Двоих прирезали точно так же, как Чифа. И что самое странное, никаких следов. Я пробовал наводить справки по своим каналам, однако все бесполезно. Поверь мне, Михалыч, я не на печке лежал. Мы сумели почти вплотную подкатиться к горкомимуществу Человек, который обещал нам посодействовать, близкий друг председателя комитета. Это посредничество обошлось Чифу почти в сто тысяч долларов. Но за день до того, как все должно было решиться, человек умер, Сердечный приступ. Ну что поделаешь! Невезуха!

– Скажу тебе, Назар, все это мне не нравится, – заметил Варяг. – Неделя прошла – а результат равен нулю. Твой человек вышел на каких-то людей... Их прирезали... Другой умер. Это какие-то сказки. Я предпочитаю иметь дело с реальным противником. Уж если ввязываться в драку – так чтоб стенка на стенку.

А бой с тенью меня несколько не вдохновляет. Если так дело пойдет и дальше – вернешь нам бабки, триста штук баксов, и поставим на этом деле точку.

У Барона побледнело лицо.

– Владислав, мне нужно совсем немного времени. – В его голосе появились нотки мольбы. – Я найду концы. Дело уже сдвинулось с мертвой точки! Я вышел нужных людей.

И тут Барон понял, что придется выложить им секретную информацию, которую ему успел-таки сообщить Чиф до своего исчезновения. Иначе все могло рухнуть.

– Мне известно, от кого зависит решение о приоритете на тендер. Их фактически двое – председатель комитета по приватизации городской думы и председатель горкомимущества. К ним и надо искать ходы...

Но Варяг был неумолим. Он уже принял решение. Собственно, это решение он принял еще три дня назад, когда понял, что Чиф засыпался. Надо послать в Питер своего человека, надежного человека. А Барона надо от этого пирога отогнать!

Неожиданно он получил поддержку у Михалыча. – Мое мнение таково! – грозно начал старик. – Всякий риск должен быть оправдан. Общак не резиновый. Мы не можем вкладывать деньги в проекты, обреченные на провал. Наша организация – не фонд Сороса, мы филантропией не занимаемся. И потом – кто-ведь должен отвечать за убытки! Михалыч выжидательно посмотрел на Барона. Тот выдержал нацеленный взгляд, вспомнив о недавнем разговоре с Саней Вороновым.

– Не мне тебе говорить, сам знаешь, за подобные промахи мы всегда спрашиваем очень строго, – продолжал Михалыч.

Весомее сказать было невозможно, и Барон почувствовал внутри неприятный холодок.

– Михалыч, Варяг... дайте мне шанс. Это моя идея и я хочу довести ее до конца, чего бы мне это ни стоило... Если суждено прострелить себе голову, я пойду и н это, но пасовать перед кем-то я не стану. Я найду тех людей, которые играют против нас. Неужели мы отступим? Ведь речь идет о целом флоте! Шутка ли!

– Правильно, Барон, – проговорил Варяг, изобразив губами нечто похожее на улыбку. – Мы не отступим. Тем более что деньги уже пущены в дело. Три сотни штук – сумма не бог весть какая, но обидно ее просто так выбросить... Мы должны найти этих ублюдков, кто нам ломает игру...

– Я делаю все, что в моих силах, – заторопился Барон, – но иногда мне кажется, что против нас там работают люди из ФСБ с большими звездами. Взять историю с Чифом – уж слишком грамотно его повязали!

– На чем основаны твои подозрения? – спросил Варяг.

– А вот послушай, Владислав, как только важный чиновник обещает нам поддержку при покупке контрольного пакета, так его сразу находят мертвым на собственной даче. Вместо него назначается другой, который сторонится Чифа, как чумы, и окружает себя профессиональной охраной, которой позавидовал бы президент Соединенных Штатов. Я не исключаю того, что кто-нибудь из городской верхушки решил поучаствовать в этой приватизации.

– И кто же? – заинтересовался Варяг. – Значит, все-таки стенка на стенку, а, Барон?

Барон немного повеселел: разговор, принявший было очень крутой характер, вновь свернул в колею дружелюбного базара.

– Похоже на то, Владислав. Похоже, что Балтийский флот хотят приватизировать отцы города! Варяг рассмеялся от души.

– Это на какие же шиши? Ну я допускаю, что мэр что-то там имеет слева.

В бюджете города крутятся хорошие бабки, но я очень сомневаюсь, что питерский голова сумел за эти годы скопить двести «лимонов», чтобы выложить их за контрольный пакет! И кроме того как он купит акции? Ему по закону не положено заниматься коммерцией! – А дети, жена, родственники жены? – усмехнулся Барон. – Ты же знаешь, Владислав, как это сейчас делается на Руси! Сам-то мэр, ясное дело, на свою официальную зарплату даже «шкоду-фелицию» себе не может купить. Но ведь у него наверняка есть сынок или племянник – эти-то ребята, поди, капиталами ворочаю не меньше наших...

– Сынки-племянники, говоришь? – Варяг посмотрел на Михалыча. – Ну ладно, а ты, аксакал, что скажешь? Кто положил глаз на флот? Эфэсбешные генералы? Или отцы и дети города?

Михалыч задумался. Он неторопливо надорвал пачку сигарет, почти любовно размял слежавшейся табак большим и указательным пальцами и, небрежно чиркнув зажигалкой, прикурил. Получилось все очень красиво. Михалыч никогда не затягивался, так сказать, берег здоровье. Так случилось и сейчас – он набрал в рот дыма и пустил неровное серое колечко, которое, поднимаясь вверх, понемногу теряло свои очертания, пока наконец не растворилось совсем, оставив после себя ароматный запах.

– Знаешь, Владик, а я ведь тоже понаблюдал за этой компанией. – Михалыч вдруг потерял интерес к сигарете и притушил огонек о край фарфоровой пепельницы. – И мне удалось кое-что выяснить... Там многое кажется странным.

Двадцать лет назад на одной «малине» Михалыч, тогда еще крепкий пятидесятилетний мужик, познакомился с красивой девицей со сказочным именем Алиса. Кроме молодости, безупречной фигуры и очень наивных, величиной с блюдце голубых глаз, она обладала звонким грудным голоском, и ее чистенькая опрятная фигурка больше подходила для домохозяйки опекающей кучу малолетних детей.

Трудно было поверить, что женщина с такой ангельской внешностью могла быть опытейшей наводчицей-домушницей. Она влюбила в себя Михалыча крепко, и он, в то время держатель городского общака, запустил в казну лапу чтобы смотаться с красавицей в Ялту и попотчевать ее в шикарных ресторанах дорогими блюдами под знатную выпивку.

Это был поступок, которого он втайне стыдился и по сей день. Узнай о таком факте воры, так могли бы не только отрубить ему блудливые ручонки, но и башку оттяпать. Алиса, высосав из Михалыча все деньги, исчезла в Зазеркалье так же неожиданно, как и появилась.

Сначала Михалыч хотел сдаться на милость воровской братии и рассказать без утайки о грешке, но, поразмыслив, решил не делать этого. Смерть – хрен с ней, а вот бесчестие пострашнее всего. Воры не стали бы даже хоронить ссученного, как того требовали понятия, а просто прикопали бы покойничка где-нибудь под обрывом и разошлись бы молча.

Когда он уже подумывал затянуть на шее удавку, к нему на улице подошел молодой мужчина лет тридцати. Он представился майором КГБ и, не таясь, рассказал о том, что уже полгода «ведет» Михалыча и знает о его грешке. Майор ненавязчиво предложил финансовую помощь, разумеется, за небольшую услугу.

Михалыч тогда до предела напрягся. Но майор позволил расслабиться, сообщив, что ему требуется «компра» на начальника колонии строгого режима, в которой Михалыч чалился в последний раз. Михалыч тогда едва не расцеловал гэбешника, потому как готов был сдать всех хозяев тюрем и колоний, где отбывал срока, очень сожалел, что под статью придется подставить только одного барина.

Дальнейшем майор не однажды спасал Михалыча многих неприятностей. Это знакомство скоро переросло в нечто вроде дружбы, а в последнее время их от ношения стали просто доверительными: и теперь уд Михалыча можно было бы назвать благодетелем кадрового кэгэбешника, который сумел дорасти до генерала. Именно его Михалыч и попросил дать информации о ГАО «Балтийский торговый флот», а главное, о тех людях, которые на него позарились. Но, к удивлению никакого компромата на компанию не обнаружилось, ничего не было известно и о ее «крыше».

Однако Михалыч нутром чувствовал, что здесь кроется что-то серьезное. В своих предчувствиях он никогда ошибался и полагался на интуицию не меньше, чем полученную информацию...

– Люди из ФСБ в приватизации флота не участвуют, – продолжал Михалыч, задумчиво любуясь струй кой дыма, поднявшейся от притушенной сигареты. – И мэр туда не лезет.

– Не могу тебе не поверить, – послушно согласил Барон.

– Я не знаю, кто там химичит, но мы должны их достать. Свою поддержку я тебе гарантирую, но деньги ты получишь только в случае стопроцентного успеха. На подготовку будешь сам тратить.

– Спасибо, Михалыч, я знал, что ты поймешь меня.

– Ты уж постарайся в этот раз, – смежил веки Михалыч. Барон понял, что аудиенция закончена.

Он одним глотком выпил остатки коньяка и встал.

– Да, кстати, Назар, – Варяг тоже встал и загородил дверь. – Кого ты собираешься отправить в Питер?

Барон застыл. Вопрос застал его врасплох. О само главном он еще не подумал. И Варяг, не дожидаясь ответа, произнес веско:

– Лучше всех для этого подходит Филат. Он и поедет,

Глава 4

Филат стоял в ванне под обжигающе колючими струями холодного душа, а когда наконец утреннюю истому смыло потоками воды, он понял, что готов к очередному трудовому дню. Он энергично растер спину и плечи полотенцем, так что кожа популцовела, и, выйдя в коридор, еще голый, набрал телефонный номер.

Несмотря на ранний час, трубку подняли почти мгновенно. Похоже, его звонка ожидали с нетерпением.

– Выезжай, захвати с собой походный набор...

– Что-то серьезное? – напрягся Филат.

– Нет, просто намечается поездка дня на три-четыре. В Питер.

– Еду! Михалыч обращался к нему за помощью только в безвыходных ситуациях.

Филат был для старого вора вроде врача «скорой помощи», – мастера на все руки, который обязан быть и опытным хирургом, чтобы штопать рваные раны, и умелым акушером, чтобы принять срочного младенца, и даже немного священником, бы с миром отпустить на вечный покой покаянную Ушу. Последнее Филат делал особенно успешно.

Прежде главная его обязанность заключалась в том, чтобы за определенный процент выколачивать деньги должников. Для подобной операции мало было иметь внушительный рост и крепкую шею – требовалось, чтобы варила голова, и, прежде чем отправиться с очередным визитом, он наводил о должнике справки, пытаясь выявить его слабейшую сторону. В качестве «выбивалы» Филат объездил едва ли не всю Россию и в воровских кругах был известен как человек, который умеет держать слово. И если должник оказывался не слишком дальновиден и в нарочитой вежливости Филата видел проявление слабости, то гонец менял тактику, и точная пуля ставила последнюю точку в биографии хапуги.

В последнее время Филат часто отбывал в командировки как доверенное лицо московского сходняка. Что предстояло делать в Питере на этот раз – он ума не мог приложить.

Вызвав шофера и телохранителя, Филат принял надлежащий вид: короткая легкая куртка, джинсы и коричневые английские ботинки из мягкой кожи, – к ним он питал особую страсть.

Дверной звонок издал переливчатую бравурную мелодию. Филат в последний раз оценил свое отражение в зеркале и пошел отпирать дверь.

Он не тяготился предстоящей командировкой – таких поездок за последний год набралось не менее двух десятков. А потом, если вдуматься, эта ведь была неплохая работа и хорошо оплачиваемая. Кому-то ведь полагалось брать на себя роль садовника, чтобы окучивать плодоносящие деревья и выдергивать сорняки на вверенном участке, В дверях стоял Данила Волохов. Он имел типично арийскую внешность: высок, широк в плечах, глаза голубые, кожа белая и волосы цвета свежееотжатой соломы. Данила был похож на возмужавшего Купидона или викинга. Родом Данила был из Тульской губернии и не ведал о своей арийской внешности, да и откуда в его жилах взяться благородным кровям, если все его предки были зачаты в черноземной полосе России и нигде не бывали западнее Смоленска. Жили они испокон веков в русской глубинке, и выезд в районный центр воспринимали как событие неординарное: впечатлений от увиденного в каком-нибудь Осташкове всегда хватало на целый месяц...

Филат зацепил Данилу в Химках, приметив здоровенного блондина на местном базарчике: Данила, надев на рукав красную повязку с неразборчивой надписью, сшибал по трюльнику «за место» с мужичков, приторговывавших у железнодорожной станции всякой скобяной дребеденью. Филат тогда, напустив на себя суровый вид, тихо предложил детине пройти куда следует. С тех пор Данила был всегда при Филате – телохранителем и оруженосцем, как Санчо Панса при Дон-Кихоте. – Все готово? – спросил Филат, шагнув за порог. Дверь, легко

заскользив в петлях, захлопнулась. Трудно было поверить, что в ней не менее полутонны веса. Такие крепкие двери можно встретить в швейцарских банках и в спецархивах, где хранятся не подлежащие рассекречиванию документы. Броня была настолько толста, что могла выдержать даже пушечный снаряд. Закрывшись, дверь встала на охранный режим, и Данила знал, что если даже найдутся умники, способные отомкнуть дверь, то в следующий миг они совершат путешествие в загробный мир, – сработает взрывное устройство такой силы, что разворотит половину этажа. Подобные меры предосторожности были весьма не лишними. В квартире Филата находился целый арсенал: автоматы АКСУ, пистолеты ТТ, «Макаровы» и «стечкины», гранатометы «Муха» и даже противотанковые гранаты, не говоря уж о боеприпасах. Все было новенькое, с оружейных складов нескольких военных кругов, и поступало к Филату сразу по нескольким каналам. Об этом арсенале во всей Москве было известно только двоим – Варягу и Михалычу, даже Данила толком не знал, что хранится за тяжелой бронированной дверью этой московской квартиры на Юго-Западе. Филат по давно выработавшейся привычке никому не доверял и, возможно, именно поэтому позаботился с особым тщанием о безопасности своего склада. Охранную сигнализацию Филат смастерил сам – и она включалась на особый режим уже в том случае, если перед дверью кто-то задерживался дольше обычного, а чуткие датчики ловили не только разговор незваных гостей, но даже их дыхание. И это еще было не все – в дверь, на уровне глаз, была вмонтирована видеокамера, которая снимала всех посетителей.

– Так точно! – прищурился Данила.

В небольшом дипломате, который он взял с собой, лежали сверхчувствительные «жучки», мины-ловушки, детонаторы, электрошоковые дубинки.

Даже если Филат уезжал всего лишь на один день, к поездке готовились словно к участию в столетней войне. Но сейчас Данила интуитивно чувствовал, что все обстоит гораздо серьезнее. И не ошибся.

Против обыкновения Филат расположился в джипе «шевроле-блейзер» сзади, уступив Даниле командирское место рядом с шофером Глебом, а это значило, что трогать шефа не полагалось. Массивный джип казался послушной игрушкой умелого Глеба – водила бросал его из одной полосы в другую, обгонял попутные машины-тихоходы, и всем своим видом показывал, что рвется если не на войну, так на любовное свидание.

Между Михалычем и Филатом особой дружбы не водилось. Правильнее было назвать их отношения деловыми. Михалыч давал ему деньги, а значит, заказывал музыку и, как правило, – все больше похоронные марши, нежели танцевальные мелодии.

На этот раз Филат сразу понял, что разговор предстоит сугубо конфиденциальный: Михалыч пригласил его к себе в библиотеку, куда уединялся только с особо доверенными людьми. Михалыч закурил, сел в кресло и погрузился в глубокомысленное молчание. А Филат сразу просек, что это молчание красноречивее любых слов и свидетельствует о том, что дело и впрямь очень серьезное. Подымив чуток, Михалыч вонзил в Филата острый взгляд и просто выговорил:

– Филат, у нас возникли проблемы в Питере.

– Что конкретно? – спросил тот, глядя, как Михалыч стряхивает пепел на огромный ковер. Прежде такого за стариком не замечалось – даже на сходняке он держался как на великосветском приеме.

– Туда надо бы подъехать и кое-что разнюхать. Ты ничего не слыхал о «Балтийском торговом флоте»?

Филат задумался.

– Кое-что слышал. Вроде эту компанию собираются продавать за долги...

– Совершенно верно. Могу тебе сказать, что желающие заглотить этот жирный кусок сейчас слетятся со всех концов России. В том числе и из тамошних... питерских... – Михалыч немного помолчал, потом добавил:

– Но не это страшно. Мы тоже не самые бедные в этой стране и тоже кое-что умеем. Конкуренты нам не опасны. Но там кто-то хочет сыграть в свою игру И игра уже пошла по крупному. Наших людей мочат...

Филат понял, что за этой полуулыбкой пряталось много: наверняка уже нашлась парочка-другая несговорчивых игроков и, скорее всего, их заколотили живыми в гроб, – Михалыч без колебаний проделывал такие акции.

– Так в чем же дело? Я не врубаюсь...

– А дело вот в чем. Через два месяца компанию «Балтийский торговый флот» должны пустить с молотка, и мы хотели бы поучаствовать. Речь идет о покупке большого пакета акций. Это дело начал Барон. Он – вернее, его человек – сумел подобраться к руководству компании, и нам вроде бы было обещано содействие.

Но человек, который обещал нам помочь, внезапно отдал концы. Для прояснения ситуации Барон отправил в Питер Чифа, но, как ты знаешь, его тоже пришили. Признаюсь тебе откровенно, я в некоторой растерянности. И Варяг недоволен. В этот проект уже вложены немалые бабки... Ты поедешь в Питер и провентилируешь там обстановку. Заодно найдешь тех, кто подставил Чифа.

Филат был озадачен, если не сказать ошарашен, рассказом Михалыча. Он был знаком со старым вором уже лет пять, но за все время не мог припомнить, чтобы старик хоть однажды так подробно, не таясь, выкладывал ему план серьезного дела. Выходит, подумал Филат, Михалыч делает на меня большую ставку. А раз Михалыч, то и Варяг в деле, они ведь после всех Варяговых приключений стали не разлей вода... С другой стороны, Михалыч ведь очень крупно рискует, пустившись в такие откровения. Хотя не стоит его считать простаком, наоборот, он уже все заранее просчитал и знает, что перед Филатом ему можно исповедаться...

– Понимаю.

– Сомневаюсь, – резко отрубил Михалыч. – Я знаю ситуацию гораздо лучше – и то ни хрена не понимаю. Похоже, нас обложили со всех сторон. Им известно о каждом нашем шаге. Барон говорит: едва Чиф прибыл в Питер, как сразу почувствовал неладное. Буквально за день до своего исчезновения он звонил и намекнул, что его плотно пасут. В Питере он должен был пробыть еще несколько дней, но после того разговора вдруг пропал. Его джип на улице тормознули менты, а через три дня труп Чифа обнаружили на свалке. В изувеченном виде. – Михалыч замолчал и прикрыл ладонью глаза. – Дело тебе предстоит очень серьезное и опасное. Смертельно опасное. Потому что драка за этот хренов флот развернется нешуточная. Да она уже развернулась. Как Варяг говорит: стенка на стенку! Ты вот что, Филат, мой тебе дружеский совет. Ты там в Питере держи ухо востро, чтоб без дешевого ухарства, попусту глаза не мозоль, по кабакам поменьше шастай, на блядей не западай – питерские девки известные суки, там половина в гэбэшных погонах еще со времен Андропова сидит... Чиф лопухнулся – смотри, ты не лопухнись. На всякий пожарный случай отправляйся туда своим ходом – никаких самолетов, никаких поездов. Садись на свой джип, Глеба – за руль, Данилу с пушкой – рядом, и полный вперед! За смотрящего в Питере сейчас Леша Красный, дружок Шрама, царствие ему небесное. Парень он толковый, хваткий, да слишком много в нем от простого бандита. Да и пижон он порядочный, фраер – бронежилет никогда не надевает. Когда Шрам кончился... – Михалыч запнулся и усмехнулся краем губ, точно вспомнив что-то. – За Красного выступили почти все питерские.

Время показало, что выбор был правильный. В городе более-менее порядок утвердился.

Филат прекрасно знал историю возвышения Красного. Это случилось больше полугода назад. Шрама грохнул Варяг – хотя в открытую об этом никто не говорил, и из материалов уголовного дела, возбужденного в связи с убийством, и сообщений прессы следовало, что Шрам погиб в бандитской разборке от руки какого-то неизвестного отморозка. На вакантное место смотрящего Питера позарились сразу трое, но Леха Красный ухитрился оттеснить конкурен-

тов и заручиться поддержкой московских авторитетов, в первую очередь Ва-ряга, которому, по слухам. Красный когда-то помогал в одном важном деле. Словом, питерский сходняк поддерживал именно Красного. Возможно, это было связано с тем, что он коренной питерец и с малолетства знал со всей уличной шпаной, из которой выросли потом уважаемые люди...

Рассказывая о питерских делах, Михалыч явно нервничал. Филату страшно хотелось узнать причину его беспокойства, но он твердо знал, что старого вора лучше не пытаться: Михалыч терпеть не мог чужого любопытства и всегда выкладывал все, что хотел выложить, – не больше и не меньше. И теперь Филат решил пойти на хитрость. Он с задумчивым видом поинтересовался:

– А не замочили ли Чифа по распоряжению Красного? Все же знали, что Чиф поехал в Питер... Может, Красному не понравилось, что московские лезут в его городские дела? Он-то небось тоже не прочь прибрать этот самый торговый флот к рукам?

– Такой расклад совершенно исключен, – отрицательно покачал головой Михалыч. – Он бы с этого флота в любом случае стриг купоны. Нет, ему нет смысла тратить миллионы долларов на то, что он и так имеет Там лезут какие-то другие.

Вот это ты и выяснишь.

– Но есть хотя бы предположение, кто мочканул Чифа?

– Абсолютно никаких! Тебе не нужно объяснять, что, несмотря на наши некоторые разногласия, все-таки мы друг друга знаем хорошо. Так что, если бы это сделали наши «коллеги» из Питера, то об этом мы бы узнали. А здесь просто ничего! Вот и Варяг считает, что там действуют местные – да только не воровского звания. Возможно, беспредельщики. Возможно, не питерские, а откуда-нибудь из Мурманска или Архангельска...

– Да уж. – подхватил Филат, – Владислав никогда не спускал отморозкам...

Михалыч пропустил это замечание мимо ушей.

– В общем, придется тебе попотеть, Филат. В средствах я тебя не ограничиваю – вот, возьми... – С этими словами Михалыч бросил на полированный столик толстую пачку stodolаровых купюр, неизвестно откуда появившуюся у него в сухой ладони. – Но и зазря деньгами не сори, не светись! Главное – ты должен вычислить этих гадов! А то нам уже в тягость этот бой с тенью.

Филат спрятал в карман туго перетянутую резинкой пачку банкнот – по его прикидке, там было никак не меньше двадцати тысяч.

– Это тебе на карманные расходы, – продолжал Михалыч усталым голосом, – Если возникнет необходимость расходов надело – возмешь у Красного в счет его долга. И веди бухгалтерию аккуратно. Вернешься – с тебя спрос будет строгий!

Филат кивнул. Это ясно: у Михалыча спрос всегда был строгий. За малейшую недостачу старик карал сурово и безжалостно, не давая никаких поблажек провинившемуся.

– Судя по ситуации, которую ты мне обрисовал, Михалыч, трудно обещать что-либо конкретно. Но я постараюсь дня за четыре управиться.

– Если тебе потребуются люди, то мы сможем помочь.

– У меня у самого надежные ребята, попытаюсь справиться своими силами.

Да и в Питере друзья найдутся.

– И вот еще что, прошу тебя отнестись к делу очень серьезно. Ты прекрасно знал Чифа, он был очень осторожен – по-волчьи осторожен, но все-таки и ему на шею накинули удавку!

Михалыч положил ладонь на глаза и помассировал кончиками пальцев веки.

На тыльной стороне ладони бледнело восходящее солнце, под которым виднелась краткая надпись «СЕВЕР». Ни перстней, ни инициалов кисти старого вора не знали, лишь единственное слово свидетельствовало о том, что Михалыч не всегда носил английский костюм и юность его прошла вдали от столичных кабаков.

После долгой паузы Михалыч продолжал:

– Похоже, в Питере стало известно, с какой целью Чиф отправился туда, и поэтому его убрали, как только он подобрался слишком близко к нужным людям.

Чтобы избежать его ошибки, тебе совсем не обязательно афишировать реальную причину своего приезда. Филат чуть поморщился.

– Но ведь как-то надо будет объяснить людям, зачем меня прислали московские. Слава богу, меня по России знают, всем известно, с какой целью я заявляюсь в регионы... – на лице Филата появилась самодовольная ухмылка.

– Все это, конечно, так, но кто нам помешает слепить легенду ненадежнее – такую, чтобы в нее поверили даже наши враги?

– Например?

Филат не мог не признать, что в словах Михалыча был свой резон. Если и в самом деле в игру за «Балтийский торговый флот» вступили серьезные люди – а судя по последним событиям, так оно и есть, – значит, его, Филата, захотят проверить поосновательнее. И не только питерские воры. Значит, надо придумать туфту как можно более правдоподобную...

– Скажем, ты отправляешься в Питер как фининспектор – для того, чтобы узнать, почему задерживают отчисления в региональный общак. Это очень весомая причина для того, чтобы Варягу отправить своего человека в Питер.

– Если они сумели расколоть Чифа и убрать его, то надо думать, там тоже не лохи. Их на мякине не проведешь!

– А все будет соответствовать действительности. Деньги в Москву и впрямь должны были поступить еще две недели назад. Мы специально Красного не торопили.

Конечно, две недели – совсем не тот срок, когда следует наказывать городского смотрящего, но, с другой стороны, двухнедельной задержки вполне достаточно, чтобы отправить своего человека на разбор и сделать Красному строгое внушение.

– Ясно!

– Советую держаться с Красным спокойно. Особенно давить не следует, неизвестно какие такие думки прячутся в его безалаберной башке.

– Все-таки ты ему не доверяешь?

– Не в этом дело, в целом Красный на хорошем счету. Но Варяг опасается, что он может вести какую-то свою игру. Не исключено, что Леша спелся с питерским мэром...

– Честно говоря, сомневаюсь, – осторожно высказал свое предположение Филат. – Красный вряд ли стал бы затевать двойную игру – у нас такие вещи не прощаются.

– Очень хотелось бы верить. Даем тебе полную свободу действий, но мы постоянно должны быть в курсе всех твоих дел.

– Конечно, Михалыч!

Старик откинулся на спинку кресла.

– Ну, передавай Леше привет...

Глава 5

Рома Филатов был из тех, которых называют «дети тюрьмы». Он родился в колонии строгого режима у двадцатилетней молодухи, угодившей за решетку по суровой статье – «грабеж». Несмотря на молодость, она была весьма опытной наводчицей и с каждой взятой квартиры имела свою твердую долю. В ее большом послужном списке значились зажиточные директора гастрономов, высокопоставленные чиновники и даже парочка народных артистов. Все происходило до банальности просто: она знакомилась в ресторане с лохами, которые с ходу клевали на ее красивое аппетитное тело. А дальше она сдавала «наколку» опытным домушникам, которые потрошили квартиру с той же тщательностью, с какой ресторанный повар разделывает индюшку. В юности мать Филата была женщиной бережливой, особенно не шиковала и, несмотря на приличное состояние, которое сумела скопить с шестнадцатилетнего возраста, в одежде придерживалась неброской простоты. Особых планов на жизнь она не имела, хотела через несколько лет завязать с опасным ремеслом и стать обычной многодетной мамашей. Погоняло у матери Ромы Филатова было соответствующее – Клушка. Возможно, в недалеком будущем она и разродилась бы законным первенцем и забота о потомстве вытеснила бы из ее умной головки тягу к не праведно нажитым деньгам, но, как это часто бывает, – в ее жизнь вмешался злой рок. Очередным лохом, на которого она напустила свои чары, оказался сотрудник голландского посольства, у которого вместе с магнитолой и «филипсовским» телевизором уволокли и неприметный на вид чемодан – в нем оказались документы государственного значения. Если бы Клушка знала о том, что имеет дело не просто с упакованным фраером, а с крупным иностранным чиновником, то шаррахнулась бы от него как дикий зверь от огня. Но мужчина представился фирмачом, оптовым торговцем обуви. И надо же было так чух-нуться – Клушка поверила этой туфте и заглотнула ее, как голодная щука сверкающую блесну.

Через несколько дней Клушку взяли в том же самом ресторане, где она подцепила голландца. Поначалу она от всего отпиралась и утверждала, что впервые его видит, но ей предъявили небольшое колечко с изумрудом, которое она тишком увела из его спальни в тот самый момент, когда голый фирмач, разнеженный ее ласками, лежал поверх смятых одеял. Тут нервы у нее сдали, и девка рассказала все.

Несмотря на чистосердечное признание Клушки, судьи вынесли ей приговор неожиданно суровой: восемь лет строгого режима.

Уже на третий день пребывания в колонии Клушка поняла, что попала в ад.

Старые, высушенные сроком зечки осмотрели ее на предмет дальнейшего употребления и нашли, что у нее весьма неплохое тело. Скорее всего, она стала бы ублажать чью-нибудь похоть, сделавшись ковырялкой, если бы начальник женской колонии подполковник Ерофеева, или просто Ероша, баба постбальзаковского возраста и не лишенная некоторых женских слабостей, не предложила бы стать ей личной кобылкой. Таким образом, судьба Клушки была определена, а еще через месяц, за старания, начальница стала подкидывать своей любовнице маслица и сладостей, которые та справедливо делила между подругами.

Бежать из колонии было невозможно, да и не женское это дело – перегрызать клещами колючую проволоку, рыть длинные подкопы, чтобы потом месяцами скитаться по тайге. Гораздо более удачный и наиболее безопасный способ сократить срок заключения – это сделаться матерью-одиночкой.

Можно было бы отдаться какому-нибудь молоденькому вертухаю, млеющему только от одного вида юбки, но, зная жесткий характер покровительницы, Клушка понимала, что Ероша не простит пацану брюхатости своей любовницы и сделает все возможное, чтобы его служба походила на пребывание в штрафном изоляторе. Куда безопаснее было договориться с солдатиком, чтобы он сосватал ей выгодную партию, благо, что в соседней локалке, отгороженной

от женской колонии шестиметровым забором, находилась мужская строгая зона. Соединялась она небольшим узеньким коридорчиком, который охраняли вертухай-срочники. Именно от прихоти охранника и зависело тюремное женское счастье. Ероша снабжала свою ковырялку не только карамельками, но и деньжатами – когда удовольствие было особенно полным. Деньги представляют ценность даже на зоне – ими можно отовариться, купив чайку, приберечь на черный день, отправить с письмом, да и мало ли для чего. Клушка деньги не тратила, а складывала рублики под лифчик, где они, уплотненные ее сдобным телом, дожидались своего часа. А когда ее бюст увеличился едва ли не вполовину, она подошла к одному из вертухаев и попросила устроить ей тайную встречу с кем-нибудь из зеков, пообещав при этом такие бабки, каких он не получил бы даже за два года срочной службы.

Сводничество среди солдат практиковалось частенько. Весьма удобный способ, чтобы пополнить худой солдатский бюджет, да и лишняя копейка к дембелю никогда не помешает, – не тащиться же через всю Россию в казенной одежонке! Для интимных свиданий на зоне имела небольшая комнатуха, которая вообще-то называлась «красным уголком» и помещалась как раз в коридорчике – между мужской и женской зоной. А пост здесь нужен был не для порядка, а лишь затем, чтобы зеки противоположных полов не учиняли групповух.

Лукаво оглядев красивую зечку с головы до ног, сержант Кирюхин сполна оценил вкус начальника женской колонии подполковника Ерофеевой, после чего строго поинтересовался:

– Болтать не станешь? А то эта сука меня со света белого сживет, а мне до дембеля всего лишь полгода осталось.

– Да разве я способна на такое?! Мне самой житья не будет!

– Ладно, приведу ночью тебе мужика. Только деньги сразу давай!

Нисколько не стесняясь озорватого взгляда, она сунула руку под кофту и выпотрошила левую чашку бюстгалтера.

– Вот здесь половина, вторую получишь, когда мужика приведешь. Только ты уж постарайся, чтобы молодой и крепкий был.

– Не переживай, – весело улыбнулся парень, пряча купюры, склеенные женским потом, в карманы брюк. – Сделаю все как надо. Приведу этой же ночью.

Можно было бы не сомневаться в том, что точно такую же сумму он возьмет с зека, отважившегося на любовное свидание.

Предстоящей ночи Клушка ждала с волнением, как будто ей предстояло расстаться с целомудрием. Но когда в «красный уголок» молоденький сержант привел зека лет сорока пяти, у которого от множества наколок кожа выглядела почти черной, рот был полон желтого металла, а тело – в шрамах и в ссадинах, словно у лося, вернувшегося победителем с брачного турнира, девка опешила.

Справившись с изумлением. Клушка хотела обругать сержанта, который не имел ни малейшего представления о женском идеале, и потребовать от него задаток назад.

Сержант, несмотря на внешнюю суровость, оказался большим шутником и можно было только догадываться, с какой затаенной улыбкой он подсматривал через слегка приоткрытую дверь. Но ее замешательство рассеялось мгновенно, едва блатной произнес первую фразу:

– Здравствуй, Зинуля, как же я по тебе соскучился!

Мужик произнес это так просто и естественно, как будто знал ее много лет. Перед ней стоял настоящий самец – сильный, волевой, и вместе с тем обладающий таким запасом нежности, что ее вполне хватило бы на целый гарем.

Но она была одна.

Все это промелькнуло у Клушки в голове с молниеносной быстротой. А зек, заметив в ее глазах некоторое сомнение, трогательно заверил:

– Ты меня, девочка, не бойся, это я с виду такой свирепый. По-другому на зоне невозможно... сама понимаешь. Зато я могу так горячо прижать, что твое сердечко от сладости замрет.

И уже когда он познал ее всю – умело и очень нежно, Клушка вдруг всполошилась:

– А как же тебя зовут, мил человек?

– Иван, – отвечал ее неожиданный муж на ночь. – Иван Раскольник. Может, слыхала о таком?

Клушкины губы непроизвольно дрогнули – не то от удивления, не то от ужаса. Не знать об Иване Раскольнике – это все равно что не слышать о Шервудском лесе и атамане разбойников Робин Гуде. О каждом выдающемся узнике в любой колонии ходят легенды. Не обошли стороной устные предания и такую выдающуюся личность, как Иван Раскольник. Поговаривали, что он грабил богатых пассажиров в поездах дальнего следования и раздавал деньги бедным. Что будто бы неимущих он опекал, а если кому и доставалось темной ноченькой, так лишь фарцовщикам и ростовщикам. Но что было совершенно точно: грехов за ним водилось столько, что их хватило бы на несколько обычных жизней, чтобы потом веки-вечные вариться в котле со смолой, а крови им пролито было столько, что она залила бы пол-Сибири.

– Испугалась? – как-то особенно тепло поинтересовался Иван Раскольник.

Вспомнив тепло его рук и сладость, что он подарил ее истосковавшемуся телу несколько минут ранее, Клушка разомкнула уста и неожиданно для себя произнесла:

– Теперь нет...

По рассказам матери Филат знал, что ее тюремный роман продолжался ровно четыре месяца, до тех самых пор, пока живот у нее не стал выпирать наружу и не сделался предметом зависти и одновременно ненависти всех подруг.

Подполковник Ерофеева измены не снесла и с досады затолкала бывшую любовницу в такую глухую дыру, где уютно себя чувствовали только тамошние медведи.

Все четыре месяца сводня-сержант исправно доставлял записки из одной части зоны в другую, сколачивая нехилый капиталец на близкий дембель. А когда Клушка случайно узнала о том, что ближайшим этапом ее отправляют в другую колонию, то отдала вертухаю остаток сбережений за несколько часов любви с Иваном Раскольниковым. Отдавалась она с такой страстью, как будто это была последняя ночь в ее жизни, и, стоя в дверях «красного уголка», бдительный сержант охранял горькое зековское счастье с тем же усердием, с каким караулил опутанные колючей проволокой стены колонии.

До рождения сына Иван Раскольник не дожил ровно месяц. О его смерти, как, впрочем, и о жизни, ходило немало легенд: одни говорили, что его пырнули ножичком на одной из дальних пересылок, потому как он разошелся с правильными; другие утверждали, что знаменитого вора заперли на зону, где сидели одни туберкулезники и, будто бы наглотавшись ядовитых бактерий, он загнулся за полгода; третьи слыхали, что Иван Раскольник пошел в побег и был растерзан в тайге волками; четвертые и вовсе склонялись к экзотической версии, будто бы он не выдержал разлуки с Клушкой и полоснул по венам припрятанным лезвием.

Амнистии Клушка не дождалась, буквально за шесть недель до помилования она получила новый срок за то, жестоко избила соседку по бараку, которая вытащила из тумбочки несколько конфеток, припрятанных для двухлетнего Ромочки.

Правда, и крысятнице досталось свое: зечки забили ее насмерть мокрыми полотенцами, стянутыми в узлы. А еще через два года Клушку этапировали в глубь материка, где со всех сторон стройными рядами подступали к запретке кедры. В заповедных дремучих местах Клушка отсидела сполна. Сначала была расконвоированной и занималась тем, что работала на ферме, а потом сошлась с бобылем лет пятидесяти, который через несколько лет помер от беспробудного пьянства, оставив молодой жене крепкий дом и небольшое хозяйство – пять куриц и тощую корову. Возвращаться в город Клушка более не пожелала и жила тем, что давала

земля. Иной раз в ее доме останавливались путники и за горячую ноченьку оставляли хозяйшке немного рубликов, а подрастающему сыну – горсть конфет...

Но с ранних лет Романа Филатова кондитерские изделия интересовали куда меньше, чем женское тело. Сладость секса он раскусил своим четырнадцатым летом, когда отправился с приятелем ловить хариусов. На отлогих берегах северной речушки расконвоированные зечки пасли скот и, не стесняясь местных ребятишек, подставляли сиськи северному солнцу. В тот раз стадо коров пасла тридцатипятилетняя зечка, у которой по низу живота красивыми буквами была выколота красноречивая надпись: «Входи, здесь твой дом». Баба, истосковавшаяся без мужниной ласки, предложила подросткам испробовать свой механизм, предложив за услугу несколько блесен и крючков. Ватага подростков, соблазнившись на подарок, часа три хороводили знойную бабенку, навсегда избавившись от постыдных хотимчиков. И коровы большими влажными глазами, едва ли не с усмешкой, наблюдали за тем, как опытная сладострастница посвящает неискушенных юнцов в мужчины. Рома оказался третьим и, преодолев в себе брезгливость, вошел в потное жадное тело. И затем, неумело поерзав на бедрах жрицы любви, излил свое семя...

Позже он не однажды навещал тихий бережок лесной речушки. На все лето была заброшена рыбалка. Познавших любовные утех пацанов уже не интересовали кувырки со стыдливymi девами на сеновалах, – самое большее, на что те отваживались, так это разрешали положить ладонь на сиську. Да и можно ли насытиться пресными девичьими ласками, когда познал жаркие объятия бесстыдной зечки!

Лишившись матери (Клушку прирезал один из ее временных сожителей), Рома некоторое время скитался по Сибири и занимался тем, что на запасных железнодорожных путях потрошил товарняки в компании со случайными попутчиками.

Как правило, они узнавали друг друга издали и сговаривались почти без слов.

Шайки организовывались быстро и так же легко рассыпались. В шестнадцать лет Рома Филатов уже получил первый срок за грабеж.

Возможно, свою уголовную биографию он начал бы с малолетки, не вмешайся в его судьбу прокурорша.

Женщиной она оказалась очень влиятельной и сумела договориться с одной из воинских частей, чтобы паренька взяли на поруки. Рома Филатов попал в гвардейское подразделение воздушно-десантных войск. Бравый командир дивизии, прочитав прокурорские рекомендации, довольно произнес:

– Добро! Пусть так и будет. Воспитаем из него настоящего солдата.

Так Рома стал сыном полка. Не однажды благодетельница-прокурорша навещалась к своему протеже с подарками. Воспитанник, в ушитой по талии форме, без робости пожирал апельсины и не без удовольствия оглядывал плотно сбитую фигуру покровительницы. В эти минуты память беспощадно возвращала его на пологий берег сибирской речушки, где девки были так же доступны, как глоток родниковой воды. И его юную голову посещали развеселые мысли: как бы живописно выглядела суровая прокурорша, уперев голую задницу в стожок сена.

Совсем скоро Рома втянулся в армейскую жизнь по-настоящему: ходил в наряды, изучал военное снаряжение и отсиживал на политзанятиях. Но больше всего ему нравились упражнения с оружием и приемы рукопашного боя. Его жилистое сухопарое тело было приспособлено для борьбы, и то, что другим удавалось заполучить в результате многочисленных тренировок, он усваивал со второго занятия. О том, что в подразделении появился настоящий боец, начальство узнало через несколько месяцев, когда, неожиданно для большинства, Филатов выиграл соревнование по рукопашному бою на открытом первенстве округа, получив специальный приз за технику. А еще через месяц его забрали в армию на год раньше положенного срока, отобрав в закрытую элитную часть, где готовились исключительно спецназовцы-смертники. Только позже Рома Филатов узнал, как непросто было попасть в это подразделение.

Хмурый полковник, председатель отборочной комиссии, долго не мог разобрать некоторых записей в его личном деле, а когда наконец расшифровал их, удивленно уставился на Рома:

- Что же это получается? Так ты что, судим, что ли?
- Так точно, товарищ полковник, – без запинки отвечал Рома.
- И за что же, интересно, такого доброго молодца подмели?
- Гоп-стоп, – улыбнулся Рома.
- Вот засуну тебя в стройбат, будешь там кирпичи носить. Гоп-стоп, что это, грабеж?
- Так точно.

Полковник в задумчивости поскреб лысеющую голову широкой пятерней, а потом изрек:

- А может, это и неплохо, нам такого кадра как раз и не хватает.

Задумался на секунду, поглядывая в его личное дело, а потом широким росчерком красного карандаша на обложке папки определил его дальнейшую судьбу:

«В спецотряд!»

Подразделение, куда угодил Рома Филатов, оказалось в высшей степени секретным. Даже по прошествии многих лет он не переставал удивляться, каким это чудом он туда попал. Прикомандированные к морским частям, вместо обычных двух лет новобранцы служили по три года. Он даже и тут превзошел все существующие нормы, отдав спецотряду дополнительно еще один год, так как служба до восемнадцати лет ему засчитана не была. По окончании службы каждому присваивалось звание «младший лейтенант» и в военный билет вшивался маленький розовый вкладыш, освобождавший офицера от регулярных сборов. Там же указывалось, что офицер прикомандирован к Генеральному штабу. Запись, хотя и в высшей степени туманная, производила должное впечатление на военкомов, и те не без уважения взирали на юнцов, над которыми витал ореол таинственности.

Дело было в том, что все они состояли на особом учете и проходили сборы в секретном подмосковном центре. Здесь было собрано не только стрелковое оружие едва ли не всех стран мира, но и новейшая боевая техника, включая танки, самолеты, вертолеты.

В этом центре бойцов учили управлять самолетами, вертолетами, водить автомобили любых марок. Однажды Рома едва не погиб, когда разучивал стандартную ситуацию – как выжить при лобовом столкновении мотоцикла с автомобилем. Все дело было в том, что он перемахнул через машину на секунду раньше нужного, сломав при падении два ребра.

Многие годы молодые офицеры жили в ожидании часа «икс», надеясь, что их знания будут востребованы и они начнут делать то, что умели лучше всего на свете – калечить и убивать. Каждый из них стрелял практически из любого оружия: автоматов, гранатометов, гаубиц, из любого подсобного материала мог смастерить орудие убийства, в безвыходной ситуации запросто сумел бы уничтожить врага голыми руками. Рома Филатов узнал, что на теле у человека находятся десятки уязвимых точек и достаточно только умело их активизировать, как жертва может не только потерять сознание, но и отправиться к праотцам. Их научили составлять взрывчатые вещества из простейших компонентов, и, если бы потребовалось, Рома изготовил бы «адскую машину» даже из пластилина и бабушкиного будильника.

И вот вся эта премудрость ему вдруг сильно пригодилась – и он начал употреблять ее с пользой для своих новых начальников, которые носили не генеральские погоны, а все больше золотые цепи и перстни да синие наколки на плечах...

Глава 6

Весь путь до Питера Филат продремал. И Глеб старался не тревожить шефа, а потому пристально следил за дорогой, объезжая случайные колдобины и ямы, осквернявшие ровное полотно шоссе. Пробудился Филат только перед самым въездом в город, когда пропыленный джип, остановившись у шлагбаума, терпеливо дожидался пассажирского поезда. Локомотив, подъезжая к разъезду, так громко загудел, будто собирался свернуть с железнодорожного полотна прямо на вереницу машин.

Однако состав промчался мимо. До города теперь оставалось рукой подать.

Филат уже окончательно проснулся и с интересом посматривал на кирпичные замки, горделиво торчащие по обе стороны дороги. Наверняка они принадлежали новорусским буржуа, которые детство и юность прожили в унылых «хрущобах» и, вырвавшись на большую дорогу приватизации, стали хапать землицы поболее и отгораживаться от соседей самыми что ни на есть кремлевскими стенами, как будто ожидали внезапной осады.

«Шевроле– блейзер» мчался на приличной скорости, Уверенно преодолевая небольшие подъемы. Было видно, что Глеб соскучился по хорошей дороге и быстрая езда доставляла ему немалое удовольствие. Казалось, он задался целью обогнать все попутные машины и первым пересечь границу Санкт-Петербурга.

– Филат, а ведь за нами хвост, – вдруг обронил Глеб, не поворачивая головы. – Идут за нами уже километров двадцать. От самого переезда.

– Может, случайный попутчик? – спросил Филат. Хотя жизнь научила его не верить в случайности и совпадения.

– Наверяд ли, – покачал головой Глеб, – я сотню держу, и они не отстают.

У поселка притормозил – и они сбросили... А теперь просто в затылок дышат!

Филат посмотрел назад.

– Красная «ауди»?

– Она самая.

– Для погони такая тачка не приспособлена, да и окрас какой-то пижонский!

– А может, это Михалыч решил подстраховать нас? – высказал свое предположение телохранитель Данила. – Вон там и «мере» веднеется...

Филат на мгновение задумался, а потом уверенно ответил:

– Это не в духе Михалыча. Даже если бы старик о нас озаботился, он бы меня предупредил.

Филат старался не выражать беспокойства, впрочем, пока и оснований для этого было мало. В глубине души он продолжал надеяться, что это так просто кто-то прилип. Хотя он знал немало примеров, когда с законными наемные убийцы расправлялись именно на пустынной дороге. Шоссе-те же самые джунгли, где сильнейший проглатывает слабого. Тут можно стать невольной жертвой самых обычных беспредельщиков, промышляющих на подходах к столичным центрам. Подобный промысел в криминальных кругах весьма распространен и приносит неплохие деньжата. На дорогах работают в основном рисковые пацаны, не боящиеся получить пулю в живот или дубинкой по зубам. Они сколачивают мобильные бригады и отчисляют должный процент в воровской общак. Если же и стоило кого-то опасаться то это таких вот «махновцев», работающих всегда небольшими группами.

Джип резко прибавил скорость – это Глеб надавил на газ. «Ауди» не желала отставать и уже едва ли не целовала их в задний бампер. Нагло идет, зараза, ничего не скажешь! Так можно двигаться только при абсолютной вере в собственную безнаказанность. Наверняка где-то далеко позади поспешает такая же фартовая тачка, до отказа набитая накаченными братками. Впрочем, и в салоне «ауди» их сидело немало – четверо! А если учесть, что у каждого

из них наверняка по пушке на брюхе, то можно смело сказать, что они составляют нехилую боевую единицу.

Неужели произошла утечка информации и в Питере об истинной цели визита Филата стало известно людям, которым знать об этом не полагалось, и за ним выслали охотников – чтобы не дать ему въехать в город? Вот ведь и Чифа устранили сходным образом...

– Фарами мигают, – сообщил Глеб, – хотят, чтобы мы остановились. Что делать, Филат?

– Езжай пока. Если надумают пойти на обгон – не пускай!

Преследователи играли по-серьезному и наверняка знали, за кем едут. А иначе почему из огромного числа машин, мчащихся по шоссе, они выбрали именно тот джип, в котором ехал представитель московского сходняка? Значит, об их появлении в Питере уже было известно: подстерегли, суки, на дороге, чтобы вытряхнуть московских гостей где-нибудь в пригороде Северной Пальмиры.

– Мы их сделаем! – спокойно отозвался Глеб, чуть поджав губы.

– Вперед смотри внимательно! – резко предупредил Филат. – Не удивлюсь, если какой-нибудь «КамАЗ» вдруг выскочит с проселка. Приготовьте стволы!

– Это можно! – ответил Данила и полез за пазуху.

Глеб молча кивнул.

– Предупреждаю сразу, – продолжил Филат, – палить только по моему сигналу и бить наверняка, чтобы без контрольных выстрелов.

Филат носил пистолет сзади на ремне, в небольшой узенькой кобуре с кнопочкой-застежкой. Такое местоположение оружия было удобно тем, что оно не мешало при ходьбе, а потом (что немаловажно при его серьезном и опасном бизнесе) не выпирало и в случае опасности пистолет можно было бы извлечь за секунду.

Рука привычно скользнула под полу пиджака, и пальцы уверенно отыскивали прохладную ручку «браунинга». Филат извлек оружие из тесной тюрьмы и положил его на колени.

– Останови! – неожиданно распорядился Филат. – Из машины не выходить – пускай они подойдут сами. Как только я скажу «Давай!» – палить из всех стволов.

Да так, чтобы мозги из черепов разлетелись веером! – Будет сделано, – безмятежно пообещал Данила, положив на колени две «беретты». Лицо у Данилы было, возможно, даже излишне спокойным, чем следовало бы.

Джип резко вильнул вправо и прижался к обочине, но Глеб вывернул руль влево – с тем расчетом, чтобы рвануть на асфальт. Ядовито-красная «Ауди» остановилась сзади метрах в пятидесяти. Почти одновременно распахнулись все двери, и на дорогу дружно высыпали четыре бритоголовых парня. Они рысцой бросились к «шевроле», видно, совсем не подозревая, что на каждого из них приходится по стволу.

И вдруг мимо джипа прошуршал черный «мерседес». Филат готов был поклясться, что через припущенное стекло задней дверцы он увидел ручной пулемет. Достаточно будет только неловко дернуться, чтобы свинцовый дождь превратил «шевроле» в дымящееся решето.

– Приготовились, – тихо процедил Филат, как будто опасался, что его могли услышать снаружи. – Ты. Данила, возьми первых двух, ты, Глеб, тех, что идут позади. Этот черный «мерседес» тоже с ними. Наверняка корпус бронированный, но если под колеса закатить гранату, то тряхнет неслабо.

Данила раскрыл дипломат и передал его назад Филату. На темном дне, в глубокой пластмассовой ячейке, покоились две противопехотные гранаты.

Осторожно, ощущая в ладони приятную тяжесть, Филат извлек гранату из дипломата, после чего так же осторожно приоткрыл дверцу джипа. Вот где пригодится армейская спецотрядовская выучка! Он и раньше метал гранаты далеко, с завидной точностью поражая учебные мишени, а пятнадцатиметровое расстояние – вообще пустяк. Он представил, как взрыв-

ная волна завалит на бок тяжелый автомобиль и «мерседес» брызнет во все стороны битыми стеклами.

Вдруг дверь «мерседеса» распахнулась, и на дорогу вышел молодой мужчина.

Что-то в его облике показалось Филату знакомым. Он пошел навстречу застывшему джипу, и на его губах играла доброжелательная улыбка.

Присмотревшись, Филат с удивлением понял, что перед ним Леша Красный – смотрящий Санкт-Петербурга, который разгуливал по родному городу без бронежилета, что по нынешним опасным временам можно счесть бесшабашной лихостью или непростительной глупостью.

По слухам, Красный представлял собой диковинную смесь законного вора с понятиями и бандита-беспредельщика. Впрочем, в этом он был типичным сыном своего города, где по-другому просто было нельзя. Такие уж порядки тут завел Сашка Шрам, и за пару лет, что он был смотрящим Питера, четкая грань между ворами и отмороженными как-то размылась. В этом смысле Красный являл собой образец авторитета, который утром сидит в солидном кабинете на Невском и ворочает большими делами, а вечером с удовольствием «бомбит» обменник какого-нибудь задрипанного коммерческого банка на Васильевском... Красный раскинул руки для широкого объятия, как будто бы зараз хотел приглубить и джип, и всех, кто в нем сидел.

– Ну что же ты, Филат, не рад встрече?! – пролаял Красный издалека,

* * *

Граната в ладони Филата запотела – того и гляди, выскользнет из пальцев.

Филат незаметно закатил гранату на место и защелкнул крышку дипломата.

Он уже распахнул дверь, чтобы выйти, но неожиданно его пронзило острое чувство опасности. А где гарантия, что, как только он ступит на асфальт, его не прошьет автоматная очередь из придорожного леска? Уж больно зловещей казалась Филату четверка молодцов, окруживших джип. Кто его знает, что там задумал Красный. Ему же ничего не стоит примочить на этом пустынном шоссе московского визитера, который приехал к нему требовать задержанный платеж... Теперь Филат заметил, что беспечное выражение на рожах парней было наигранным. На самом деле они были внутренне напряжены и собраны. Ребятки остановились на значительном расстоянии друг от друга, их куртки были распахнуты – и им потребуется доля секунды, чтобы выхватить оружие. А один из парней и вовсе не утруждал себя – его ладонь спряталась в правый, сильно оттопыренный карман пиджака. Грамотно держатся – не I придершся. Это были или уволенные в запас офицеры каких-нибудь элитных частей, или киллеры высочайшего класса.

– Выходим втроем, – распорядился Филат, изобразив на губах нечто вроде улыбки. – Что-то мне не шибко по душе это питерское гостеприимство. Пушки – в карман, и с этой жизнерадостной четверки глаз не спускайте, а если что... так я с Красным сам смогу переговорить по душам.

На дорогу вышли одновременно. Данила и Глеб остались стоять у джипа.

Внешне все выглядело вполне безобидно, но в случае осложнений, при таком маневре, они сумели бы перекрыть путь Красному. Филат не желал уступать в любезности: широко раскинув руки, он двинулся навстречу смотрящему Питера.

Воры встретились, крепко обнялись и долго стучали ладонями друг дружку по спине.

– Ну никак не думал, что ты приедешь! – воскликнул Красный. – Не знаю, о чем они там думают – такого важного человека к нам посылать! И было бы из-за чего! Да я завтра же в общак перешлю причитающиеся денежки. Обижает меня Варяг своим недоверием: если я бандитом начинал, так неужели от братвы гроши сейчас стану утаивать?

Однако в его глазах Филат прочитывал иное: Красного явно раздражала столичная опека и ему совсем не хотелось делиться банком, который он собирал с такими усилиями.

– Ну что ты, Красный, ты же знаешь, как тебя уважают и Варяг, и Михалыч... – спокойно возразил Филат. – Не будь тебя, в Питере давно бы все друг дружке глотки перегрызли. Особенно после того, как Шрама закопали!

В действительности Красный и впрямь оказался на редкость хорошим усмирителем. Он устраивал и московских, и питерских. Пускай он временами срывался на откровенный беспредел, но сходяк ему прощал маленькие слабости: не будь Красного, дела в Северо-Западном регионе совсем бы захирели.

– Возможно, – сдержанно отозвался Красный. – Делаю все, что могу, пускай Варяг не сомневается. Признаюсь, когда он мне позвонил и сообщил, что ты выезжаешь, я был очень удивлен. Насколько я знаю, ты ведь занимаешься совершенно другим регионом, – заулыбался Красный.

– И твоим тоже, Красный, – с нажимом произнес Филат. – Мне поставили задачу посодействовать тебе со сбором в общак. Может, у тебя возникли какие-то трудности? А потом надо будет проводить денежки до Москвы.

– Понимаю. Не сверли меня взглядом, я не в обиде.

– Здесь-то ты каким чудом оказался? – осторожно поинтересовался Филат.

– Решил вот тебя встретить не в городе, а на дороге. А такую честь мы оказываем только самым знатным гостям. Да вот еще решил свиту свою прихватить, – Красный кивнул в сторону четырех молодцов из «ауди», которые деликатно держались в сторонке. – Непокойно в городе, и мне с этими ребятами ненадежнее.

– Ты же ходишь без охраны? – заметил Филат с наигранным недоумением.

– Не для себя стараюсь, для московского гостя, – серьезно проговорил Красный. От прежней его любезности не осталось и следа. В глазах сверкнул недобрый огонек – теперь это было настоящее лицо питерского смотрящего, которого боялись даже близкие друзья. – А то, знаешь ли, не ровен час – пристрелить могут, мне же потом ответ держать за чужие грешки. Вон Чифа грохнули...

– А ты предусмотрительный...

– Стараюсь!

Теперь Красный улыбался с неподдельным дружелбием. Филат не мог не догадываться, что ему устроили проверочку на испуг. Интересно было узнать питерскому смотрящему, как поведет себя в случае опасности представитель московского сходяка.

– Тебе не стоило встречать меня на дороге, – слегка нахмурился Филат. – Скажу откровенно – еще секунда, и мои орлы пригнали бы твоих гранатами!

– Ну так уж и сразу? – обиделся Красный. – А потом я все-таки тебя чуть-чуть знаю. Прежде чем что-то подобное выкинуть, ты же не один раз проверишь. Ну а если напугал, извини, – улыбка Красного сделалась еще шире, и Филат понял, что шоу продолжается.

Филат искоса поглядывал на Красного: Нет, определенно в этом парне было какое-то особое обаяние. Может быть, такое ощущение возникало от той неистощимой веселости, которая, как шампанское из откупоренной бутылки, пенистым фонтаном било из его сверкающих глаз и широченной улыбки, не сползавшей с лица. Но одним веселым нравом его положительные качества не исчерпывались. Красный, хоть и обожал шумную гульбу – чтоб водка рекой и девки штабелями, – о деле никогда не забывал. Он крепко держал все ниточки санкт-петербургского криминального бизнеса и вовремя умел одну дернуть, другую чуть отпустить, чтобы все колеса сложной машины исправно крутились. Но и этого ему было мало. Красный любил посмотреть на все собственными глазами и на протяжении ночи, в сопровождении одного ли двух молодцов, объезжал свои владения в Питере. В баре на Невском он выпивал рюмку-другую финской водки, потом мчался в порт, проверял там, как идет разгрузка каких-нибудь контейнеров с бельгийскими курами, потом ехал еще куда-то – и так до самого утра. Люди из окружения Красного полагали, что он не спал совсем. Потому что днем он точно так же разъезжал по

городу: встречался с людьми, выступал в качестве третейского судьи, а то самолично отправлялся на «стрелку», чтобы учинить правду Смотрящего Санкт-Петербурга прозвали Красным совсем не за цвет лица и не за убеждения, какими когда-то славился «город трех революций». Он был по-мужски красив, и можно было предположить, что кликуха ему досталась за голливудскую внешность. Под два метра ростом, широк плечами и душой, обаятелен, а белозубой улыбкой доводил многих барышень до экстаза. Все знали, что Красный не брезговал проститутками с Невского проспекта, и те окрестили его «Железный Феликс» за то, что он мог напрячь на ночь с пяток путан. Бурная жизнь никак не отражалась на его гладком лице – ни морщин тебе, ни мешков под глазами, – как результат нехороших излишеств, а наоборот, лицо его все более свежело и сам он напоминал крепкую осеннюю репу.

В миру его звали Алексей Краснов, именно от фамилии он и получил свое прозвище. Но так его называли редко, куда чаще можно было услышать панибратское Леха. Место смотрящего он занимал всего-то полгода, это был тот редкий случай, когда он стал вором, даже не перешагнув порога камеры, хотя судимость у него была. Лет пять назад он крепко прижал в подворотне девицу, которая, освободившись из его крепких лап, поспешила нацарапать заявление в милицию. И только ушлый адвокат Лехи Краснова убедил судей, что интимная близость имела место по взаимному согласию. Возможно, познакомиться со всеми прелестями тюремной экзотики Леше помешали щедрые дары, которые слуги Фемиды получили от него в ходе разбирательства.

– Все-таки ты наш гость, Филат, – улыбался Красный, – и я вот что хочу тебе предложить для начала – культурную программу!

– Вы что тут, всех гостей культурной программой кормите? – поморщился Филат. – Я бы с дороги соснул...

– Не всех, знаешь ли, а только избранных, – строго возразил Красный. – А потом, негоже питерцам в грязь харей ударять. Если я к тебе в Москву завалюсь, неужели ты меня в гостиницу сразу потащишь? Рванем в казино. Побросаем фишек, потом посидим в ресторане, а там возьмем по паре телок и поедем дальше резвиться. И учти – соснуть тебе сегодня вряд ли удастся, мои девки тебе покоя не дадут!

Филат улыбнулся. Вот сучонок – знает, где больная мозоль...

– Лады – договорились!

– Поедем в моем «мерсе»? – ненавязчиво поинтересовался Леха.

Филат покачал головой.

– Не хочу своих ребят без работы оставлять.

– Ну смотри, тогда поезжай за нами и не отставай, – блеснул жизнерадостной улыбкой смотрящий.

Красный поднял руку – отмашка была замечена мгновенно. Парни повернулись и неторопливо направились к «ауди». Один из них как бы невзначай оглянулся.

Безразличия в его взгляде было ровно столько, сколько можно обнаружить в глазах осклизшего волка. Профессионалы, ничего не скажешь, обучены даже достойно ретироваться. Интересно, в каких академиях учат подобному мастерству?

Можно было не сомневаться, что в случае малейшей опасности пацаны развернутся одновременно, сжимая в руках по скорострельному пистолету, и откроют стрельбу почище, чем в каком-нибудь полицейском боевике.

Напряжение не ушло даже после того, как джип, сердито зарывав, лихо тронулся с места, едва не протаранив массивным бампером хилый «жигуленок», который метнулся в сторону с проворностью караса, узревшего зубастую щуку.

Филат без конца ловил себя на том, что крепко сжимает ладони в кулаки. Усилием воли он заставлял себя расслабиться, но стоило ему забыться, как пальцы вновь начинали терзать кожаную обивку сиденья.

Странную все-таки встречу приготовил ему Красный! Филат не мог позволить себе попасться на удочку Острящего. Вопреки его обезоруживающей белозубой улыбке, он легко менял настроение, а если впадал в ярость, то был способен даже столичного гостя, посланца сходяняка, затолкать живьем в чрево мусоровоза и свезти к городскому крематорию... С этими бывшим бандитами-отморозками лучше всегда держаться настой роже. И парочка гранат в загашнике никогда не покажутся лишними.

– Не отставай! – бросил Филат. Глеб едва качнул головой и врубил по газам.

Глава 7

«Мерседес» мчался резво, заставляя попутные машины прижиматься вправо.

Даже юркие джипы, проявляя чудеса маневренности, освобождали скоростную полосу. В эти минуты «мерседес» напоминал голодную акулу, что врезалась на полной скорости в косяк макрели и наделала ужасный переполох. Холеный лимузин расчищал путь, и джип, ведомый Глебом, двигался в ее фарватере.

Незаметно добрались до Питера и остановились у небольшого особнячка времен Екатерины Великой. Дом ничем не отличался от прочих построек русского классицизма, расположившихся на набережной Невы. Те же внушительные фасады с лепниной и с помпезным широким входом, украшенные фигурами обнаженных мужчин, в которых без труда угадывались герои греческих мифов. С реки тянуло свежестью, а тучи висели так низко, что и впрямь казалось: без помощи плечистых атлантов эту свинцовую тяжесть не удержать. Над тяжелой дубовой дверью весело сверкали неоновые буквы:

КАЗИНО «ОЛИМПИА»

Под неоновой вывеской у дверей прогуливались два молодца со скучающими лицами. Они бегло оглядывали случайных прохожих, спешащих мимо закрытой двери казино, и задерживали свое внимание только на тех кто приближался к этой двери с намерением войти внутрь.

Дело в том, что на четвертом этаже особняка, в небольшой зале, шла крупная игра. Здесь собирались игроки высшей категории, так сказать, элитная покерная лига, попасть в которую было весьма непросто: путь игрока в этот зал был не менее труден, чем у футбольной команды высшего дивизиона, выбивающейся в финал розыгрыша Кубка чемпионов. Едва ли не каждый катала постигал азы своего ремесла с раннего детства, проигрывая в подворотне рублишко, пожалованный любимой бабушкой на мороженое. Потом некоторые из них, по мере взросления, дотягивали до игр районного масштаба, где ставки были не в пример выше. А потом только единицы, к которым благоволила фортуна, могли пробиться в высший эшелон.

Как правило, это были весьма состоятельные люди, имеющие за спиной многолетний картежный опыт и сколотившие немалый капитал, так что при крупной игре им не надо было ставить на кон старенький «москвичек» или комнатку в коммуналке – им верили на слово, потому что у этих игроков имелись миллионные счета в европейских банках, виллы на островах Средиземного моря и серебристые «ягуары» в зимних гаражах на побережье Финского залива. Здесь собирались игроки высочайшего класса, которые чувствовали карты подушечками пальцев и умели так стасовать только что распечатанную колоду, что в пять движений кисти возвращали колоде первоначальный порядок карт. И каждый проходящий сюда знал, что, если ловкость искусных рук помогала сорвать грязный выигрыш, на лестнице удачливого шулера поджидают три мускулистых молодца, готовых накинуть ему шелковую удавку на шею.

В этом казино, известном на весь Питер, в одночасье становились миллионерами или, наоборот, проигрывали даже скромные сбережения на старость.

Этот дом помнил не одну человеческую трагедию, здесь уже не удивлялись тому, что проигравший пускал себе пулю в лоб где-нибудь в пустынном скверике.

Хозяином казино «Олимпия» был пожилой грек, внешне больше напоминающий академика, чем профессионального картежника. Звали его Перикл Геркулос. Поговаривали, что он еще лет двадцать назад сумел сколотить состояние, которому мог бы позавидовать даже преуспевающий европейский бизнесмен. Одно время он хотел съехать на землю предков, но внезапно открывшиеся ему в городе на Неве коммерческие перспективы убили в нем желание

искать покоя на родине предков. Несколько лет назад он открыл казино для солидной публики. Посетители казино – а среди них были и воры в законе, и высокопоставленные государственные чиновники, музыканты и «новые русские» предприниматели, – чувствовали себя здесь в полнейшей безопасности: на каждом этаже дежурили вооруженные молодцы. У входа тоже имелаась мощная охрана, способная в случае опасности принять на себя удар. Внутренняя и внешняя охрана постоянно держала между собой связь по рации, и без их ведома в казино не мог проникнуть ни один случайный человек.

Сам хозяин частенько принимал участие в игре, но делал это больше для того, чтобы не растерять профессионализма, и с улыбкой вспоминал про былые победы. Свою карьеру Перикл начал лет сорок назад, обыгрывая в поездах дальнего следования богатых лохов-отпускников. Вид у него и тогда был весьма респектабельный, так что никому и в голову не могло прийти, что он шулер, каких по всей России не отыщется даже Десятка. Позже его аппетиты возросли, и он создал «бригаду», которая колесила по всей стране и находила Периклу клиентов среди подпольных фабрикантов, коллекционеров антиквариата и просто богатых людей, каких в советской стране было немало. Он имел целый штат наводчиков, с которыми всегда щедро расплачивался.

Позже Геркулес осел в Магадане, поближе к золотым приискам. Тамешние старатели славились тем, что были очень азартны и в одну ночь могли прогулять сезонный заработок. Но с ними надо было вести игру тонко: несмотря на любовь к куражу, старатели отличались недоверчивостью и осторожностью. Но и на них Периклу удавалось найти управу. Наводчиц он искал среди местных проституток, к которым устремлялись артельные мужики так же резво, как олени во время гона к жующим ягель самкам.

С Магадана Перикл вернулся невероятно богатым. Казалось бы, теперь ему пришла пора утихомириться да зажить спокойно, потихонечку просаживая накопленные капиталы. Однако именно с момента возвращения Перикла на «большую землю» началась его настоящая карьера как профессионального картежника. Обладая не только воровским талантом, но еще и необыкновенными организаторскими способностями, он сумел объединить в единую касту всех шулеров и профессиональных игроков российского северо-запада. Теперь они каждые полгода стали собираться в Питере на свои сходняки, где решались текущие вопросы по устройству и безопасности казино и по сбору общака. На карточных сходках делились территории и определялась специализация игроков: одни любили играть в поездах или на самолетах, другие предпочитали жаркие курорты Черноморского побережья, третьи сшивались в гостиничных комплексах.

А немного позже Геркулос перешел в закон и зажил по понятиям. И теперь, несмотря на огромную разницу в возрасте, Леха Красный был для Перикла Геркулес как отец родной...

* * *

Парни у входа в казино, заметив приближающегося Красного, что-то буркнули в рацию, и дверь слегка приоткрылась. Охранник не удивился появлению смотрящего с гостями. В это здание на набережной он заявлялся частенько, потому что играть любил и умел. Красный проигрывал по-крупному, но частенько срывал богатый банк.

В «Олимпию» Красный мог входить в сопровождении своих телохранителей, но даже он, смотрящий Питера, не смел переступить порог зала на четвертом этаже, где шла крупная игра, и, сдав оружие, должен был томиться перед бронированной дверью под присмотром любезных, но малоулыбчивых гвардейцев Геркулеса.

Старый грек в воровской иерархии Питера хоть и сидел на ступеньку ниже Красного, был в некотором роде сам себе хозяин. С Красным, как некогда со Шрамом и с прежними питерскими смотрящими, у него было все хорошо оговорено.

Перикл был умный старик: он понимал, что если только пожелает иметь полный суверенитет, то Леха, не моргнув, открутит ему седую башку. Перикл безоговорочно признал Красного хозяином города и ежеквартально выплачивал ему «налог» с казино. Но при этом Красный приходил в «Олимпию» как простой посетитель – и если проигрывал, то отдавал бабки до копейки, а если срывал куш – на радостях отстегивал «в пользу заведения».

Красный вошел в особняк, увлекая за собой спутников: следом шел Филат с Данилой, замыкал шествие Глеб, который как бы невзначай посмотрел по сторонам: набережная была пустынной, только трое чудаков, оперевшись о чугунную узорчатую решетку, задумчиво наблюдали за медленным течением воды.

Они пересекли просторный вестибюль, на стенах которого висели гобелены восемнадцатого века и потемневшие картины в золоченых тяжелых рамах: создалось впечатление, чтоходишь не в казино, а в картинную галерею. По обеим сторонам мраморной лестницы высились обнаженные фигуры греческих богинь вперемешку с бесстыдными сатирами с подъятыми фаллосами. Замыкал галерею скульптур величественный Геркулес – тезка хозяина, – опирающийся на огромную суковатую дубину. Приходившие сюда игроки не могли не оценить откровенный юмор Перикла, который словно предупреждал своих посетителей: здесь вас могут не только раздеть, но еще и поиметь должным образом, а если будете не в меру строптивы, то вам предстоит знакомство с увесистыми дубинками наших атлантов.

Одна из боковых дверей распахнулась, и навстречу гостям, медленно выбрасывая вперед ступни, вышел сам хозяин. Филат был уверен, что он следил за гостями через систему видеокамер, незаметно установленных не только у входа в особняк, но и на широких лестницах.

– О боги! – картинно поднял руки Перикл. – Алексей, ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть! – он слегка приобнял Красного и неторопливой походкой повел его через галерею красочных полотен. – Если бы ты знал, какая сегодня была игра, ты даже не представляешь! Знаешь Маленького Геру?

– Ну?

– Он все поднимал и поднимал, но слетел напрочь! Оставил на банке тридцать тысяч баксов!

– Не хило...

– А про Кузю ничего не слышал? – испытывающе заглянул Перикл в глаза смотрящему.

– Откуда? Я же три дня не был в городе.

– Знаю я тебя! – хмыкнул Геркулос. – Тебе же всегда все известно. Мне иногда кажется, что ты никогда не покидаешь этого здания... Кузя взял полсотни штук вчера на флеш-рояле.

Красный невольно улыбнулся. В словах грека была своя сермяжная правда: смотрящий не упускал случая, чтобы заслат в команду Перикла своего человека, – всегда интересно знать, что на уме у этого старого плута.

Нельзя было не проникнуться завистью к греку – его люди были преданы своему боссу, как будто служили не человеку, а полубогу. Их невозможно было подкупить даже хотя бы потому, что старый грек со своими слугами расплачивался щедро. И тем не менее Красный все-таки иной раз находил брешь в его обороне.

– Ты преувеличиваешь, Перикл, мне о тебе известно не больше, чем редактору «Питерского вестника». Ты же сам знаешь, что слухами земля полнится.

Да, кстати, – Красный остановился и обернулся к московским гостям. – Познакомься, это Филат. Может быть, слышал о таком? Мой гость из Москвы.

Перикл Геркулос отступил на полшага и не без интереса стал рассматривать Филата. Он знал, что Филат – доверенное лицо Варяга и Михалыча, он был также наслышан и о том, что Филат мастерски выколачивает деньги из должников. На мгновение в его глазах промелькнуло нечто похожее на тревогу: дескать, какая такая нелегкая занесла московского стервятника в наш зверинец? Но потом лицо приняло обычное любезное выражение.

– Кто же не слышал о Филате? Уж не по мою ли душу? – не удержался он от шутки.

Ладонь у грека оказалась мягкой и теплой, но все-таки достаточно крепкой. Филат много всяких баек слышал о греке, но встречаться с ним до сих пор не приходилось.

– Не переживай, Перикл, за тобой долгов не имеется, – ответил за Филата Красный. – Я вот просто решил показать московскому гостю твое заведение. Наш культурный заповедник!

Геркулос глянул на сопровождающих, слепил сочувственную гримасу и обмолвился:

– Дорогой Леша, ты ведь знаешь наши порядки, в игровой зал могут входить только игроки и, разумеется, без оружия. Если я нарушу это правило, мне перестанут доверять, мои гости будут нервничать, а я обязан обеспечить им безопасность и комфорт. – Геркулос выглядел почти смущенным. – Что же будет, если твои друзья неожиданно проиграют? Я бы очень не хотел, чтобы у них возникли какие-то неприятности.

– Можешь не беспокоиться, Перикл, мы войдем только вдвоем с Филатом, а правила писаны для всех, – Красный извлек из-за пояса «Макарова» и протянул его одному из своих спутников со словами:

– Спрячь эту игрушку, в таком приличном заведении она мне без надобности. То же самое проделал и Филат: он извлек из кобуры красивый никелированный «вальтер».

– Возьми! – обратился Филат к Даниле, и тот небрежно, как человек, привыкший ежедневно иметь дело с оружием, сунул пистолет в карман брюк.

– А теперь прошу вас, господа! – Грек слегка приобнял смотрящего за плечи и повел его по коридору.

У дверей стояли два высоких парня. Геркулос во всем обожал порядок: даже лакеи у него были похожи на героев античных мифов. Один из них распахнул дверь.

– Входите, господа! – с улыбкой пригласил Перикл. – Надеюсь, игра доставит вам удовольствие.

Первым в зал шагнул Красный – не в пример Филату он чувствовал себя здесь свободно. За дверью оказалась еще одна дверь, которая бесшумно распахнулась, и взору гостей предстала огромная комната, залитая светом. В зале стояли шесть столов, за которыми кучковались стайки мужчин. Никто даже не обернулся на вошедших – игра шла всерьез, чувствовалось, что здесь действительно крутятся большие деньги. Над столами порхали короткие, словно выстрелы, реплики:

– Пас!

– Еще две!

– Твоя!

Филат вспомнил, как однажды ему пришлось играть в преферанс под Сочи.

Конечно, давно это было, но пулю писали люди весовые, собравшиеся едва ли не со всего региона. Каждый явился с телохранителем, готовым в случае необходимости и пальнуть в обидчика своего хозяина. Поэтому пиджаки у пацанов были расстегнуты, а рукоятки пистолетов вызывающе торчали из-за поясов.

Здесь все было иначе. Солидно, ничего не скажешь. Филат много чего слышал о греке – тот даже речной камешек мог выдать за восьмое чудо света, а такое серьезное предприятие, как казино, он обустроил великолепно. Тут невольно создавалось впечатление, что ты перешагнул порог храма.

– Неприятностей здесь не бывает? – поинтересовался Филат.

– А как же без них, – спокойно отозвался Геркулос. – Не так давно один фраерок пытался мои колоды подменить на свои, на стремные карты. Вклеил, шельмец, в рубашки крупинки стекла! За дурака меня принял!

– И что же ты с этим умником сделал?

– А мы заставили его сначала схавать несколько колод всухомятку, а после того как он хохотальник прикрыл, дали ему воды из Невы испить, – и, криво усмехнувшись, грек добавил:

– Так и не нашли беднягу – видно, так понравилась ему водица, что до сих пор жажду не утолил. Так во что играешь: в покер, в деберц, в баккара?

– В очко! – вырвалось у Филата.

– Можно и в очко! – оживился хозяин казино. Значит, игра на счастье?

Филат невольно улыбнулся – так называлась игра без применения шулерских приемов, и, конечно, в среде высокопрофессиональных игроков такое предложение можно было принять за шутку.

Появился один из людей Геркулеса, точнее, даже не появился, а как будто бы вылепился из прозрачного воздуха, – в руках он держал новенькую колоду карт, которую с почтением протянул хозяину. Тот привычно разорвал обертку, тщательно растасовав ее ловкими пальцами – такие пальцы бывают у цирковых фокусников или прирожденных шулеров. Сели втроем: Красный, Филат и сам Перикл.

Красный вдруг вспомнил, что Филат с дороги, и сердобольно заметил:

– Перикл Кириллыч, наш гость только приехал, наверное, проголодался.

Надо бы его накормить! Глаза грека превратились в щелочки.

– Э, так не годится! Уж коли сели за стол – надо сыграть. А накормить гостей старику Периклу всегда в радость. Сейчас я распоряжусь – мои расторопные мальчишки позаботятся! – Он щелкнул пальцами и что-то стал нашептывать вылепившемуся из воздуха курчавому юноше. Курчавый покивал и удалился.

Пошла неторопливая игра. Решили ставить по сотенке. Филат два раза проиграл, один раз выиграл.

– Что нового в городе? – спросил он как бы между делом, обращаясь не столько к Красному, сколько к старому греку.

– Да что у нас нового? – вздохнул Перикл. – Вот на прошлой неделе еще одного бизнесмена подстрелили. На Невском. И куда милиция смотрит! – Он хитро прищурился и глянул на Красного. Тот сидел с невозмутимым лицом.

– Люди гибнут за металл! – пошутил Филат, размышляя, как бы ему незаметно перевести разговор на интересующую его тему. Неожиданно ему помог Красный.

– Да, это ты в точку попал! За металл. Вернее, за металлические изделия.

* * *

Филат напрягся. Тепло...

– В каком это смысле?

– Да ты разве не слышал? Тут разворачивается битва за полтора десятка ржавых кораблей!

Грек картинно закатил глаза.

– Да не такие уж они и ржавые, Леша! Если бы в «Балтийском торговом флоте» был сплошной металлолом, не стали бы за него просить двести миллионов!

Филат делал вид, что ничего не понимает.

– У меня девятнадцать! – радостно объявил он и вопросительно посмотрел на Перикла. Грек заглянул в карты и, не раскрывая их, смешал с кучей.

– Семнадцать. Ты выиграл, Филат.

Перикл проиграл уже под тысячу долларов, но с его лица не сходила довольная улыбка.

– Может, удвоим ставочку? – невинно поинтересовался Перикл.

Отказываться было грех: в случае выигрыша счастливцев получал почти три тысячи баксов.

– Договорились, – ответил Красный. В его глазах засверкали азартные искорки.

Грек безмятежно проиграл и эту партию и так же беззаботно поинтересовался:

– Может, уж сразу увеличим до тыщонки? – Перикл собрал со стола карты и небрежно швырнул в корзину под столом. – Второй раз играть одной и той же колодой не полагается, – пояснил грек. – Да и большие деньги на кону.

– Хорошо! – махнул рукой Филат.

Карты сдавал Красный. Филат обратил внимание, как дрогнула его рука – непорядок! У смотрящего нервы должны быть покрепче. В этот раз подфартило Геркулосу – хотя его лицо осталось непроницаемым, словно маска древнегреческого актера. Грек бросил взгляд на карты, сбросил две, взял две, обыденно объявил:

«Очко!» – и открылся.

На Филата смотрели три удалые пики – тройка, семерка и туз.

– Продолжим, господа? – сладко улыбнулся грек.

– Нет, знаешь ли, отыгрались. Хватит.

Геркулес поднял палец, и «расторопный мальчик» лет тридцати безмолвно возник перед хозяином.

– Слушаю вас, Перикл Кириллович.

– Возьми ключик, собери деньги и положи в сейф.

– Хорошо, Перикл Кириллович. – Парень спрятал в ладони длинный ключ, который больше смахивал на воровскую отмычку.

На столе горой лежали банкноты разного достоинства, с которых уныло таращили взгляды заморские президенты.

Но парень, видно, не испытывал особого почтения к заокеанским господам, – он открыл саквояж и одним движением руки смахнул «зелень» в его глубокое нутро. Звонко щелкнул замок.

– Школа! – кивнул Красный вслед ушедшему парню. – Даже не поморщился!

– Здесь совсем другое, – чуть улыбнулся старик, – просто я им очень хорошо плачу.

За соседним столом по-прежнему шла оживленная игра. Никого не беспокоили чужие удачи – игроков больше интересовал собственный триумф.

Среди игроков выделялся высокий шатен в дорогом костюме. Он был молод, – на вид не более тридцати лет, с большой родинкой под носом и пухлыми, капризно изогнутыми губами. Ему везло по-крупному, но деньги со стола он убирать не спешил, а складывал банкноты аккуратной стопочкой.

– Так что, Перикл, с вашим «Балтийским торговым флотом»? – негромко, как бы с ленцой, произнес Филат. – Что-то я ничего не знаю...

Голова шатена при этих словах немного качнулась в его сторону. Филат обернулся: нет, показалось – красавчик был полностью увлечен игрой и в очередной раз взял немалый банк. Парню определенно везло.

Старик поднял седую голову. Его глаза излучали гипнотическую теплоту.

Однако Филат прекрасно понимал, что точно такими же любящими глазами он смотрит на человека, задолжавшего ему за вечер сто тысяч баксов и не сумевшего расплатиться.

К столу бесшумно приплыл курчавый юноша и вполголоса доложил:

– Накрыли!

Грек поднялся из-за стола и обратился к Филату:

– Ну, а теперь прошу отобедать! Красный глянул на часы и хохотнул:

– Да уж скорее отужинать! Восьмой час. Увлекая за собой Красного с Филатом, хозяин казино направился в смежную комнату. Ее убранство было не менее роскошным, чем в зале. На стене, напротив двери, была выложена мозаика – гибкий юноша перепрыгивает через быка, оперевшись руками в его крутую холку. Перикл поймал заинтересованный взгляд Филата и пояснил с улыбкой:

– На вазах, которые находят на островах Эгейского моря, можно встретить подобные изображения. Оказывается, у древних греков прыжки через разъяренного быка были чем-то вроде доброй национальной традиции. Подобно той, что существовала у славян на Ивана Купалу, знаете, когда прыгали через костер! Вот, не удержался, заказал себе копию тех фресок, – не без гордости произнес он. – Это мне стоило недешево. Но красота, как вы сами понимаете, всегда стоит дорого.

На двух других стенах был запечатлен извергающийся вулкан. Перикла Геркулеса всюду окружала красота, наверняка даже в сортире у него можно было отыскать изображения прекрасных нимф и крылатых богов. Посреди комнаты стоял небольшой круглый стол, накрытый белоснежной скатертью. Стол был уставлен блюдами со всевозможной снедью – тушеными овощами, нарезанным тонкими кусками жареным мясом, сырами, тропическими фруктами. Посреди возвышался графин с красным вином.

Перикл пригласил гостей за стол. Курчавый юноша разлил вино по бокалам и выскользнул за дверь. И вдруг Красный ляпнул:

– Перикл Кириллыч, нашего гостя, как я смотрю, интересует «Балтийский торговый флот». – Он с кривой усмешечкой просверлил Филата взглядом. – Мне он почему-то этого не сказал сразу. Так выкладывай, старик, что тебе известно! У тебя же тут бывают крупные люди – наверняка ведут разговоры и о кораблях...

Грек просиял.

– Теперь я спокоен! Значит, моя скромная персона московских не интересует. Значит, все-таки «Балтийский торговый флот»? Да, действительно лакомый кусочек. Еще царь Петр сказал: Санкт-Петербург – окно в Европу. Я бы перефразировал и так: Питер – окно в Россию, его ворота. А тот, кто завладеет крупнейшим на Балтике флотом, будет полноправным хозяином всего побережья, я бы даже сказал больше, возможно, всей России. На море всегда крутятся очень большие деньги... Но я понимаю, почему ты спрашиваешь. – Старик не скрывал своего интереса. – Весь город только и говорит о предстоящей продаже «Балтфлота». По моим сведениям, на него зарятся очень серьезные люди...

– Например? – Филат посмотрел на питерского смотрящего. Тот состроил невинную рожу – точь-в-точь курсистка, отдававшаяся за целковый пьяному ухажеру.

Филат перевел взгляд на грека.

– Даже самую крохотку информации добываешь с большим трудом, – глубокомысленно заметил Геркулес.

– Что ты хочешь, старик – деньги? – перебил Филат.

Роман Филатов был доверенным лицом Варяга, а поэтому многие вопросы был уполномочен утрясать на месте.

– Дорогой ты мой, если мне и нужны деньги, так для того чтобы поддерживать на должном уровне всю эту красоту, – старик сделал широкий жест в сторону. – Но сейчас дело не в этом. Деньги мне не нужны!

– Если человек отказывается от денег, то он всегда хочет чего-то большего. Что же ты хочешь?

– Питер – наш город, – старый Грек посмотрел на Красного, который всем своим видом давал понять, что не принимает участия в разговоре и, забросив ногу за ногу, с удовольствием дымил кубинской сигарой и любовался мозаичным панно, на котором была изображена обнаженная девушка верхом на олене. – Я хотел бы иметь свою долю. Я не претендую на баржу или на сухогруз. Мне будет довольно и спасательного ялика, который я смогу использовать по своему разумению.

Филат невольно улыбнулся. Это предложение больше смахивало на любезнейшую просьбу гангстера добровольно расстаться со своими драгоценностями.

Теперь он понимал, что Красный привез его сюда далеко не случайно. Питерские отлично подготовились к его визиту. Геркулос не отважился бы на такой разговор, если бы не заручился поддержкой Красного, а значит, тот знает о компании куда больше, чем хочет это показать. Если даже старый плут мечтает о своей доле – интересно, какую долю потребует для себя смотрящий.

– Если речь идет только о ялике, тогда дело можно считать улаженным, – улыбнувшись, сказал Филат, решив, что при случае поделится своими сомнениями с Михалычем.

– Я знал, что мы пойдем друг друга. – Благородное лицо грека излучало явное удовольствие. – В этой компании у меня есть знакомый, который мог бы вам посодействовать.

«Ого! – подумал Филат. – Он уже говорит о совместном бизнесе. А ведь это только начало. Сколько же прилипал будет через месяц?» Сделав над собой усилие, он постарался не выказать неудовольствия.

– Какая у него должность? Как зовут?

– Не торопись, Филат! Ты молод и горяч, – улыбнулся грек. – Серьезные дела так не делаются. Сначала мне самому надо прощупать почву. Я помогу тебе найти нужных людей.

– Очень хорошо, – кивнул Филат, уплетая сказочно вкусные баклажаны в томатно-чесночном соусе. – Когда будет результат?

– Завтра-послезавтра, – неопределенно ответил грек.

Филат молча кивнул, покосившись на Красного. Тот без тени улыбки смотрел на него в упор. От его взгляда Филат даже передернулся. Что же все-таки у Красного на уме?

– Если еще возникнут какие вопросы – найти меня можно здесь каждый день, – ласково проговорил Перикл.

– Договорились!

– Ну что ж, тогда мы рванем! – Красный поднялся с места, дожевывая кусок мяса. – Тут у нас намечена кое-какая культурная программа. Так что по коням! – Молодость!... Помню, раньше меня тоже ничего не интересовало, кроме женщин. – Впервые за время разговора Филат уловил на лице Перикла что-то очень похожее на зависть. – Как же все-таки быстро бежит время!

Проходя мимо игорных столов, Филат посмотрел в сторону красавчика-шатена. Он заметил, что стопочка долларов перед ним немного осела.

Ага, все– таки и у везунчиков бывают проколы! На мгновение их взгляды столкнулись, и Филат готов был поручиться, что в пытливых серых глаза питерского денди он разглядел нечто большее, чем простое любопытство.

Глава 8

Для культурной программы Леха Красный давно присмотрел небольшой старинный дом на Васильевском острове. Дом был замечателен во всех отношениях.

Этот особняк светлейший князь Александр Данилович Меншиков отстроил для своей фаворитки – сюда он наезжал частенько и оставался порой до утренних звезд.

Поговаривали, что позже девица стала первой «мадам» Петербурга, устроив здесь дом увеселений, вроде тех, какими был славен блистательный Париж. Позже в его исторических стенах был открыт первоклассный ресторан. На верхнем – третьем – этаже располагались шикарные кабинеты, где проводили времечко нижегородские купцы и золотодобытчики с Севера. В распоряжение миллионщиков отдавался огромный ресторанный зал, где они могли со смыслом потрясти ассигнациями и послушать тягучие песни цыган. Сие заведение процветало до самого Октябрьского переворота и обрело вторую жизнь уже во времена новой экономической политики: здесь оборотистые мужички из крепких крестьянских семей лихо обменивали заработанные червонцы на красивых наложниц.

Казалось, что время в этих стенах застыло: сейчас тут е так же продолжали существовать кабинеты для интимных свиданий, была своя «мадам», а у богачей постсоветского периода в моде были точно такие же чудачества, какими славились до революции сибирские миллионщики, – к примеру, купание в ванне, заполненной до краев шампанским.

Именно сюда и привел Филата смотрящий Питера. Это заведение, ныне называвшееся «отелем», славилось у питерской братвы, и поговаривали, что в его кабинетах снимают стресс не только простые бандюги с золотыми цепями на шеях и браслетами на запястьях, но и солидные люди, облеченные властью. Им тоже ведь не чужды простые человеческие радости: попариться в сауне и поплескаться в бассейне с длинноногими красотками. Еще поговаривали, что в одной из саун установлена видеокамера, которая беспристрастно запечатлевала все загулы сильных мира сего. А может, и врал – после скандальных «банных» походов высоких московских начальников в Питере ходило немало анекдотов про обитателей Смольного, но никаких кинофотоматериалов так никто и не обнаружил.

В глубине исторического особняка располагались несколько укромных комнат – это была святая святых: здесь отдыхал Леха Красный с товарищами, и полногрудая хозяйка, исполнявшая роль «мадам», обеспечивала дорогих гостей свеженьким молодняком.

– А ты знаешь ли, что наши питерские девочки самые длинноногие? – балагурил Красный.

– Слышал, – примирительно отозвался Филат. Для Красного существовали только две темы: тачки и телки. Об этом он мог тараторить без умолку.

– Каждая из здешних девок в постели акробатка: они такие номера откалывают, что московским блядам до них далеко будет. А уж если обхватят тебя ногами, так не отпустят до тех пор, пока три раза не кончишь. Скажу тебе, Филат, сколько гостей сюда ни привожу, не видел ни разу, чтобы кто-то ушел недовольный. Что-то ты сегодня мрачный, Филат!

– Тебе показалось. Красный. Мне не терпится поглядеть на твоих хваленых акробаток. – Филат попытался улыбнуться, однако получилось кисловато. Все его мысли были заняты встречей с греком-картежником.

...Выходя от Перикла, Филат заметил на противоположной стороне улицы двух молодых людей, которые о чем-то разговаривали. Внешне они напоминали двух приятелей, случайно столкнувшихся на безлюдной улице. Вот только стояли уж слишком как-то спокойно, будто оловянные солдатики – не кивали головами, не жестикулировали, как это бывает при активном диалоге. Один из них, как бы невзначай, посмотрел в сторону Филата. Так не разглядывают незнакомых прохожих, у этого парня к нему явно был какой-то интерес. Впрочем, про

питерские странности он уже был наслышан – посыльные сходянка исчезали в этом городе, как булыжники в пруду, и поэтому он просто обязан был держаться настороже.

Филат ощущал на себе напряженный изучающий взгляд даже тогда, когда садился в машину. И успокоился он лишь когда оказался за бронированными стеклами Лешкиного «мерседеса».

По всему Невскому проспекту за ними следовала темно-вишневая «девятка», а то, что это не было случайностью, он понял, когда «мерседес» повернул на Дворцовый мост. «Жигуль» то и дело терялся в потоке машин, но стоило «мерседесу» прибавить скорости, как он опять оказывался на хвосте.

Красный весело трепался: вспоминал, как вчера парился с двумя девицами в сауне, и пока одна делала ему массаж, он оприходовал вторую. Вообще он производил впечатление ветреного пацана, дорвавшегося до плотских удовольствий и не знавшего в них удержу. Трудно было поверить, что этот зубоскал держит в руках Санкт-Петербург так же крепко, как тяжелоатлет трехпудовую гирьку. Леша Краснов был просто создан для криминального бизнеса, и если у одних талант к ваянию у других к математике, а у третьих к фигурному катанию, то у него – к тому, чтобы легко брать «под крышу» большие и малые предприятия. Питерские заводы платили ему столь же исправно, как какой-нибудь табачный кисок на Лиговке: деньги для него находились даже тогда, когда заводская бухгалтерия сидела на картотеке.

Филат поглядел в боковое зеркало. «Жигуль» не отставал. Конечно, можно предположить, что за ними волочатся люди Красного, но почему тогда он не обмолвился об этом даже словом? К тому же у них уже имеется охрана на колесах, которую не назовешь бестолковой. Филат хотел было поделиться своими опасениями со смотрящим, но потом передумал.

Ясно одно – их пасут. Но вот кто?

– Девки что надо, на разочаруют! – бодро заверил Филата Красный. – Можешь не сомневаться, каждую я самолично проверил. А может, ты из брезгливых?

– недоверчиво посмотрел Красный на гостя. – Если так, то я могу что-нибудь эксклюзивное организовать. Ты только не стесняйся, скажи. За хорошие бабки целку приведу!

– Я непривередлив, – хмыкнул Филат. Он вспомнил, как несколько дней назад вызвал себе домой девку. Если кто и кумекает в сексе, так это опытные проститутки! И он почувствовал дрожь, как будто ощутил прикосновение прохладных девичьих пальцев к своему телу.

– Ну и молодец! – не без удовольствия отрезал смотрящий. – Тебя, брат, ждет ночь любви, какие бывали в этом городе только у Петра Великого!

У Красного явно была заранее заготовлена для гостя какая-то забористая шоу-программа, может быть, стриптиз-балет, а может, и еще что покруче, но Филату после утомительной дороги страшно хотелось спать и он уже не чаял донести отяжелевшую голову до подушки. Да, видать. Красный так просто от него не отвяжется, пока не продемонстрирует питерское радушие в полном блеске...

Они все еще стояли в просторном вестибюле отеля и, видно, кого-то ждали.

К ним из бокового коридора вышла тонкая высокая девица в черном костюме-тройке.

Наверное, администраторша.

Красный приветливо ей кивнул.

– Светочка! Здравствуй, родная моя! Ты все хорошеешь! Ну-ка найди моему гостю лучшую комнату.

Филат украдкой оглядывался по сторонам. Все здесь выглядело респектабельно и благопристойно. С потолка свисала тяжелая бронзовая люстра в виде виноградной грозди, окна были занавешены тяжелыми плюшевыми портьерами. По углам пустого вестибюля дежурили крепкие парни, одетые под кабацких половых начала двадцатого века. Здешний интерьер больше напоминал не отель, а особняк какого-нибудь придворного вельможи.

– Ой, господи, да такого гостя я бы и сама не прочь обслужить! – Навстречу Филату вышла высокая брюнетка лет тридцати пяти. – Да только я ему не подойду, твои гости, Лешенька, все на молодых посматривают.

– Это и есть наша сестра-хозяйка Лариса Ивановна. – Красный хлопнул даму пониже спины, и Филат без труда догадался, что с этой дамой у него отношения несколько более тесные, чем просто приятельские. – Если бы не ее старания, Филат, то наша жизнь выглядела бы просто убогой. А может, ты, Лариса, и в самом деле нашего гостя обслужишь? Ведь лучше тебя этого никто не сделает. А он у себя в Москве расскажет, что мы гостей принимаем по высшему разряду! Сам-то что скажешь, Филат?

Филат усмехнулся:

– Ларису Ивановну не хочу обидеть. Но мне бы что-нибудь попроще. После дороги чувствую себя не особенно свежо.

– Понимаю, – отвечала Лариса Ивановна. Видно ей доплачивали еще за то, чтобы она не обижалась. – Для такого случая вам подойдет Глашенька. Вы не смотрите, что она молоденькая – девушка сумеет сделать все, что нужно. Главное, не стесняйтесь, будьте с ней поласковее. – Было видно, что работа доставляет ей удовольствие и разговаривать на пикантные темы для нее так же естественно, как уличной собачонке справлять нужду под забором. – Игорь, – обратилась «мадам» к высокому парню, которому больше подошла бы роль центрального в баскетбольной команде. – Отведи нашего уважаемого гостя в седьмой номер и приведи ему Глашеньку.

У самого порога, скрывая неловкость, топтались Данила с Глебом. По их лицам было ясно, что и они совсем не прочь отведать хваленой питерских деликатесов, но пока не знают, что же им следует предпринять: отправиться на поиски добычи или терпеливо дожидаться патрона.

– У меня к вам просьба, – заметил Филат. – Позаботьтесь о том, чтобы мои друзья не скучали.

– Не беспокойтесь, с нашими девочками заскучать невозможно! – весело ответила Лариса Ивановна.

– Прошу вас! – Великан повел Филата по длинному коридору с зеркальными стенами.

Обернувшись, Филат заметил, как Красный приобнял за талию двух подошедших девиц и уверенно увел их в соседнюю комнату.

Миновав зеркальный коридор, Филат оказался в просторной комнате, где шторы, ска-терти и даже посуда, расставленная на круглом столе, были болотно-зеленого цвета. Филат совсем бы не удивился, если бы почувствовал здесь застойный смрад болота, однако в воздухе витали сладкие эротические ароматы.

Филат извлек из кармана пачку сигарет, чиркнул зажигалкой и смачно затянулся.

Ему стало легче, он опустился в мягкое кресло, которое поглотило его целиком, и стал ждать. Сейчас его взору должна была предстать царевна-лягушка со стрелой в лапке...

И она появилась. Девушка была в легком прозрачном пеньюаре, через который просвечивало молодое гибкое тело. Но вместо волшебной стрелы она держала в руках небольшой поднос, на котором стояла запотевшая бутылка шампанского и два высоких бокала. На мгновение Филат и вправду ощутил себя Иваном-царевичем, готовым броситься искать по углам лягушачью кожу.

Девушка прошла по комнате. В полупрозрачном одеянии она чувствовала себя так же уверенно, как светская дама в вечернем платье.

– Как тебя зовут? – спросил Филат, когда она опустилась в кресло напротив него и из-под дымчатой ткани показалась крепкая полноватая ляжка. – Ах, да, Глашенька! Мне так кажется, тебе больше подошло бы какое-нибудь сказочное имя.

– Например? – девушка охотно подхватила игру.

– Ну, скажем, Елена Прекрасная, – в тон ей отвечал Филат.

Глашенька восторженно захлопала ресницами.

– Как это замечательно, мне никто никогда не делал такого комплимента!

Присмотревшись, Филат понял, что его гостя совсем молоденькая, если не сказать юная. Если бы не губы, раскрашенные в ярко-вишневый цвет, она могла бы вполне сойти за восьмиклассницу.

– А если бы ты не была Еленой Прекрасной, я мог бы подумать, что ты сбежала из гарема какого-нибудь султана.

Девушка заливисто рассмеялась.

– Если я откуда-то и сбежала, так только из хореографического училища.

Мне было там так не интересно! – Она капризно наморщила губы. – От упражнений на этих дурацких станках у меня все время болело вот здесь. – И Глашенька невинно погладила ладонью в паху. – А потом от прыжков очень кружится голова.

Девушка говорила так, как будто они были давно знакомы, даже тон ее был какой-то доверительно-интимный. Словно встретились старые друзья и решили в легкой болтовне провести время.

– И много здесь у вас девушек из хореографического училища? – так же по-приятельски поинтересовался Филат.

– Хватает! – В этот раз ответ прозвучал несколько скромнее.

Глазки потуплены, ресницы прикрыты, Филат готов был бы поверить в то, что перед ним невинная школьница, если бы не вызывающе голое тело и откровенная поза: ноги широко расставлены, грудь навывкат...

Оставалось только гадать, откуда у нее такая неподдельная искренность – то ли знак профессионализма, то ли врожденное качество. Филат нисколько бы не удивился, если б девушка начала рассказывать о том, какой она выдержала серьезный вступительный экзамен, прежде чем попасть в этот «отель». Но неожиданно она поинтересовалась:

– А что вы любите?

Этот вопрос прозвучал так же естественно, как будто его задала пятилетняя девчушка.

– В каком смысле? – не понял Филат.

– В смысле удовольствия, – профессионально улыбнулась Глашенька и легким движением руки сбросила пеньюар, который воздушной волной мягко опустился на паркет. Филат жадно оглядывал юное, но вполне развившееся тело: крупные грушевидные груди с темно-коричневыми сосками, узкую талию, чуть выпуклый мягкий живот и широкие бедра с пушистым треугольным островком волос в паху.

Филат, вспомнив свои встречи с московскими проститутками, решил, что рассчитывать надо вперед. Он запустил руку во внутренний карман куртки, выудил бумажник и достал пару столлларовых банкнот.

Глашенька не скрывала удовольствия. В глазах у нее зажегся алчный огонек: сразу стало ясно, что перед ним сидит не такое уж невинное существо, каким она хотела казаться. Она слизнула с его руки бумажки и положила их на стол.

– Не предложите ли выпить в честь нашего знакомства, Роман Иванович?

– Ты знаешь, как меня зовут, Глаша? – удивился Филат. Было от чего насторожиться.

– Конечно, меня же предупредили, что вы очень важный гость.

В ее словах чувствовалась гордость, точно такая, какая бывает у завсегдатая ипподрома, поставившего все деньги на темную лошадку и сорвавшего главный приз. Все проститутки удивительно похожи друг на друга даже если имеют лицо мадонны, – их выдают глаза. При виде денег они сверкают, как угли в темноте.

Ему не раз приходилось пользоваться услугами жриц коммерческой любви, знал он таких, чьи ласки стоили так же дорого, как ужин в «Метрополе». Но всех их роднил именно алчный блеск в глазах.

Филат откупорил бутылку шампанского. Весело забулькал в высоких бокалах игристый напиток.

– За тебя! – Филат взялся за длинную хрустальную ножку.

Глашенька плавно вытянула руку с бокалом, хрустальные края соприкоснулись, наполнив на мгновение комнату мелодичным звоном.

Едва пригубив, он поставил бокал на стол.

– Я тебе не нравлюсь, – надула губы девушка.

– Нет, что ты! – запротестовал Филат.

– Тебе не понравился мой пеньюар? – улыбнулась Глашенька. – Я могу переодеться. Хочешь, надену строгий костюм. Многим мужчинам нравится.

– Нет, оставайся как есть.

Филат протянул руку к Глашеньке и та, не заставляя себя упрашивать, прижалась к нему жаркими грудями, а ее проворные пальчики принялись быстро расстегивать пуговицы у него на рубашке. Она умело сорвала с Филата рубашку, а он тем временем снял брюки и присел на широкую кровать. Глашенька откинула покрывало и юркнула под одеяло, взглядом приглашая его последовать за ней.

Филат стащил трусы и, немного робея под ее блудливым взглядом, лег рядом.

Девушка положила ладошку на его восставший член и несколько раз провела вверх-вниз, точно полировала. Потом аккуратно пощекотала ноготком самую верхушку. По телу Филата пробежала острая волна наслаждения. Не в силах сдержать похоти, он обхватил Глашеньку за плечи и крепко сжал ее груди вместе, так что они расплющились друг о дружку. Тем временем она взгромоздилась на него верхом, приподняла зад и, ловко насадив себя куда нужно, стала покачиваться из стороны в сторону.

– Смотри не сломай! – усмехнулся Филат. Его дыхание участилось, и он закрыл глаза, предвкушая взрыв наслаждения.

Но Глашенька вдруг тихо захохотала и соскочила с него.

– Что такое? – недовольно бросил Филат.

– А что ты глаза закрыл? Не хочешь смотреть? – Глашенька обнажила два ряда ровных белых зубов.

Хороша девка! Вот бесстыжая – совсем не стесняется, а ведь видит его в первый раз. Видно, опытная, хотя и малолетка.

– А сколько тебе лет, Глаша?

Она лукаво повела глазами.

– А что?

– Да больно ты молоденькая.

– Боишься? – хохотнула она. – Двадцать три. Устраивает?

Филат недоверчиво покачал головой. Желание ушло, и он почувствовал, как его «боец» понурил голову. Но и от зоркого взгляда Глашеньки это не утаилось.

Она снова обхватила Филатов член пальчиками и тут же пробудила его к жизни.

Потом снова села верхом и поскакала, постепенно наращивая темп. Филат сжал зубы. Волна вожделения огнем пробежала по бедрам, устремилась в пах и – мощным толчком выплеснулась наружу.

Глашенька разочарованно замерла и, укоризненно покачав головой, высвободилась.

– Что-то ты так быстро! Удовольствие хоть ощутил?

Филат молча кивнул. Ему не хотелось признаваться, что Глашенька извлекла из его нутра могучий заряд сладострастия, чего еще ни одной московской шлюхе не удавалось.

– Ощутил, ощутил. А то, что быстро – так это от усталости. Просто, знаешь, сегодня у меня был очень тяжелый день. Я шесть часов провел в машине.

До сих пор не могу прийти в себя. Ты скажи, я тебе еще что-то должен?

Девушка неопределенно пожала плечами:

– Да мне-то нет. У нас кассиром Лариска. А потом, ты же мне уже дал...

– Те двести пусть будут как аванс, вот возьми еще, – протянул Филат еще две сотни.

Глашенька медлила, но это продолжалось ровно столько, чтобы выглядело вполне пристойным колебанием, а потом тоненькая ручка умело вытянула из его ядони деньги.

– Извини, если что не так. – Ее улыбка выглядела виноватой. Сейчас она скорее напоминала даму, которую беспардонно выставляют за дверь.

Глашенька поднялась с кровати и, слегка покачив бедрами, точно манекенщица на подиуме, направила к двери. У самого порога она замедлила шаг и, не дождавшись оклика, распахнула дверь.

...Сказка закончилась едва начавшись: царевна-лягушка отправилась по своим привычным делам.

* * *

Некоторое время Филат наслаждался одиночеством и тишиной. Ему нестерпимо хотелось спать.

Завтра предстоят важные встречи. Филат решил действовать по собственному разумению – тем более что в Питере у него был свой верный человек, о котором не знал никто из его московских хозяев – ни Варяг, ни Михалыч. Завтра он поедет к нему и попросит оказать услугу. Оплачивать эту услугу, конечно, придется по высокой ставке. Но только не из денег Михалыча. Из тех баксов, что дал ему на карманные расходы старый московский вор, Филат отстегнул четыреста Гла-шеньке.

А вот свои личные дела лучше финансировать из собственного кармана – не надо, чтобы Михалыч вдруг прознал, что за кадр имеется у Филата в Питере.

На душе у него стало спокойно, как будто он глотнул сонного эликсира.

Филат лег на мягкую надушенную подушку и почувствовал, как веки, вопреки его воле, сами собой смыкаются. Он закрыл глаза и провалился в сон.

Глава 9

Утро явилось неожиданно. Оно ворвалось в его сознание вместе с похабным криком какого-то разудалого молодчика за стеной и звонким женским визгом. Филат попробовал снова уснуть, а когда понял, что это бессмысленно, открыл глаза.

Послышался новый вопль, еще более истошный, но тут же его сменил жизнерадостный девичий смех – и дверь широко распахнулась. На пороге, заслонив собой дверной проем, с початой бутылкой виски в правой руке стоял Красный.

Филат и раньше слышал, что Леха Красный не умеет вовремя остановиться и своими загулами больше напоминает зарвавшегося помещика, который запросто мог пересчитать зубы крепостным мужикам и испортить попавшуюся под горячую руку девку. Однако люди смотрящего воспринимали его гульбу как безобидные проказы.

Оно и понятно: если хозяин желает покуражиться, так почему бы ему не подергать холопов за чубы, а девок не пощипать за титьки? Из-за могучего плеча смотрящего на Филата кокетливо посматривали две девицы. Обе были из тех смазливых кисок, которых достаточно поманить пальчиком, как они с радостью задерут юбки...

– Наслышан о твоих подвигах! – воскликнул Красный. – Глашка рассказывала о тебе. Ну-ка, девчата, окружите нашего гостя заботой и лаской. Да не смотрите, что он мрачный, – это он притворяется! – Красный прошел в комнату, освобождая дорогу девушкам. – Ща стопочку на грудь примет – и все пойдет своим чередом.

Приподнявшись на постели, Филат хмуро смотрел на девиц, одна из которых уже опустилась на самый краешек кровати и веселым воробушком готова была впорхнуть к нему под широкое одеяло.

– Послушай, Красный...

– И слушать не желаю, брат, сначала утренний секс, а потом уж все остальное!

Но Филата уже начало ломать от питерского гостеприимства.

– Красный, твое радушие меня умиляет, но я в Питере не для того, чтобы трахать твоих шлюшек! Покуражились ночью – и за дело. У меня к тебе разговор есть. Скажи им, пусть нас оставят!

Красный досадливо мотнул головой и протянул бутылку виски одной из девушек.

– На, дососи ее со своим дружком. А теперь, девки, покедова!

Девушки не обиделись: ни разочарования на лицах, ни сердитого подергивания плечами. Видно, их тут дрессировали серьезно.

Мило улыбнувшись все еще хмурому Филату, девки заторопились к выходу.

Красный похотливым взглядом проводил девушек, а когда за ними закрылась болотно-матовая дверь, изрек:

– Жаль, а я думал, групповушку учудим с утра пораньше. Так о чем ты хотел поговорить?

Теперь Филат понял, что Красный не так пьян, как пытался изобразить.

Взгляд у смотрящего был пронзительным – будто лазерный луч ночного прицела прорезал темноту. И если бы его взгляд задержался на лице Филата дольше пяти секунд, то выжег бы у него на лбу глубокую дыру...

Филата вдруг пронзила мысль: а что, если Лешка не только «Железный Феликс», но еще и талантливый актер и валяет тут ваньку для того, чтобы усыпить бдительность? Надо быть с ним поосмотрительнее. Филат уже пожалел, что вчера в казино вдруг разоткровенничался с жуликоватым греком в присутствии Красного и сдуру ляпнул ему про свой интерес к морским делам. Они же не идиоты – сразу смекнули, что тут вовсе не его личный интерес, а – московских... Ну да ладно, все равно без подмоги Красного не обойтись. Чиф, дурила, сам попытался

во всем разобраться, да и погорел. А обратиться он вовремя к питерскому смотрящему, глядишь, сегодня парился бы живехонек в Сандуновских банях...

– У меня здесь в Питере имеются кое-какие дела... личного характера.

– Ясно, – многозначительно улыбнулся Красный и вновь превратился в разбитного малого, которого, казалось, ничего более на свете не интересует кроме девок и водки. – А я то думаю, почему ты от наших барышень нос воротишь.

Значит, недосуг?

– Я же тебе сказал, не в этом дело, – снова начал раздраженно Филат и ехидно добавил:

– Неужели тебе все шлюхи рапортуют о том, как ночь прошла?

Красный юмора не понял и, раззявив пасть, весело ответил:

– Да не, но Глашку ты удивил! Она девка многоопытная, одна из самых мастеровитых в этом заведении – такого крепкого мужика, как ты, может на пять оргазмов подряд раскрутить. Но, видно, что-то в твоём механизме не то...

Филат резко приподнялся на локте. Балагурство Красного ему уже было невмоготу.

– Леша, я же не на блядки приехал, а по делам.

– Долги мои тяжкие? – с наигранным отчаянием протянул Красный.

– Ну, с твоими долгами разобраться – не проблема. У меня тут еще одно дельце есть.

– То-то ты вчера Перикла напугал. Как провозжают пароходы – совсем не так как поезда! – вращая глазами, пропел Красный. – В порту дельце? – Там тоже, – уклончиво ответил Филат.

– Хм... Может, тебя подстраховать? Я могу отправить с тобой своих пацанов, они у меня калачи тертые, да и шпана городская дергаться не станет, когда увидит, в чьей тачке ты раскатываешь.

Филат сбросил на пол одеяло, обнажив крепкое мускулистое тело. На плече красовался выколотый эполет в виде двуглавого орла с крестом. Его можно было бы принять за отпетого поборника монархии, если бы не знать истинный смысл наколки. Подобные татуировки носили только элитные воры.

На лице Филата мелькнула тень улыбки. Несмотря на всю свою артистичность и дьявольскую хитрость, Краснов не сумел скрыть истинных чувств – он явно позавидовал своему гостю, который мог запросто пощеголять авторитетной наколкой. Смотрящий такого большого города, как Петербург, нуждался в подобной атрибутике так же остро, как генерал в большой армии, и наверняка он жалел о том, что в свое время не отсидел год-другой на нарах. Подобная глава в биографии наверняка повысила бы его авторитет среди питерской братвы. Вместо того чтобы хлебать баланду где-нибудь в пермских лагерях, он, как дурень, три года прослужил на подводной лодке, хотя, если разобраться по-хорошему, бытовые условия там были, пожалуй, куда хуже, чем где-нибудь на беспредельной сучьей зоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.